

Николай Михайлович Карамзин История государства Российского

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7255205*

*История государства Российского / Карамзин, Николай Михайлович: ОЛМА Медиа Групп; Москва;
2013*

ISBN 978-5-373-04665-7

Аннотация

В предлагаемом издании читатель может ознакомиться с наиболее интересными эпизодами «Истории Государства Российского», написанной писателем и историографом Н. М. Карамзиным по поручению Александра I. Создавая картину жизни и быта Руси – от древних славян до Смутного времени, – автор опирается на обширный исторический материал. Свыше двух десятилетий посвятил Карамзин своей многотомной книге. В 1816–1829 гг. она была впервые напечатана, и русское общество с огромным интересом познакомилось с историей собственной родины.

Но за пять лет до начала публикации «Истории», в 1811 г., по просьбе сестры императора Александра, великой княгини Екатерины Павловны, Карамзин создает трактат (Записку) «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Подчеркивая, что «настоящее бывает следствием прошедшего», Карамзин анализирует события русской жизни и оценивает итоги десятилетней деятельности Александра I. Оценка эта носила довольно критический характер, и, очевидно, поэтому трактат Карамзина не был обнародован в XIX веке.. Прошло более ста лет, прежде, чем он увидел свет. Мы приводим этот интересный документ Карамзина для сведения читателей.

Книга богато иллюстрирована, что создает более объемное представление о событиях и героях описываемой эпохи.

Для тех, кто интересуется историей нашей Родины, для массового читателя.

Содержание

О Славянах и других народах, составивших Государство Российское	5
О физическом и нравственном характере Славян древних	17
Рюрик, Синеус и Трувор. 862–879 гг.	40
Олег-правитель. 879–912 гг.	43
Князь Игорь. 912–945 гг.	47
Князь Святослав. 945–972 гг.	53
Великий Князь Владимир. 980–1014 гг.	64
Великий Князь Святополк. 1015–1019 гг.	77
Великий Князь Ярослав. 1019–1054 гг.	79
Великий Князь Изяслав. 1054–1077 гг.	87
Великий Князь Всеволод. 1078–1093 гг.	92
Великий Князь Святополк-Михаил. 1093–1112 гг.	94
Владимир Мономах. 1113–1125 гг.	102
Великий Князь Мстислав. 1125–1132 гг.	107
Великий Князь Ярополк. 1132–1139 гг.	110
Великий Князь Изяслав Мстиславич. 1146–1154 гг.	115
Великий Князь Георгий, или Юрий, прозванный Долгоруким. 1155– 1157 гг.	122
Князь Андрей Суздальский, или Владимирский по прозвищу Боголюбский	129
Великий Князь Всеволод Георгиевич. 1176–1212 гг.	140
Георгий, Князь Владимирский. Константин Ростовский. 1212– 1219 гг.	163
Великий Князь Георгий [Юрий] Всеволодович. 1219–1238 гг.	168
Великий Князь Ярослав Всеволодович. 1238–1247 гг.	184
Великие Князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский. 1247–1263 гг.	196
1263–1304 гг.	206
Великий Князь Михаил Ярославич. 1304–1319 гг.	211
Великие Князья Георгий Данилович, Димитрий и Александр Михайловичи. 1319–1328 гг.	215
Великий Князь Иоанн Данилович, прозванием Калита. 1328– 1340 гг.	219
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Н. М. Карамзин История государства Российского

О Славянах и других народах, составивших Государство Российское

Нестор пишет, что Славяне издревле обитали в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей – проповедуя в Скифии имя Спасителя, доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно, они жили в России уже в первом столетии.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного Императора.

Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались Полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата. Радим и Вятко, главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея города в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседи Полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые после Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени Летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) Зборичев взвоз. Они были мужи, знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. Киевом. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от Царя Греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место городищем Киевцом. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях. Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест в названия людей. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов Россиян в Грецию.

Русский монах-летописец

Одежда славян

Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие ино-племенные: Меря вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; Мурома на Оке, где сия река впадает в Волгу; Черемиса, Мещера, Мордва на юго-восток от Мери; Ливь в Ливонии; Чудь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; Нарова там, где Нарва; Ямь, или Емь, в Финляндии; Весь на Белеозере; Пермь в Губернии сего имени; Югра, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосве; Печора на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с Россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их народами единоплеменными и назвать вообще Финскими. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена Финнов.

Золотые ворота в Константинополе. V в.

Гонец. Восстал род на род. Худ. Н. Рерих

Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже имели города: Весь – Белоозеро, Меря – Ростов, Муром – Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссами составляют народ Латышский.

Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками Россиян: должно разуметь, что Летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всю нынешнюю Россию Европейскую. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или Авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, великие телом и гордые умом (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. Скоро явились другие завоеватели: на юге – Козары, Варяги на Севере.

Козары, или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря. Еще с третьего столетия они известны по Армянским летописям: Европа же узнала их в четвертом веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Атилла властвовал над ними: Болгары также, в исходе V века; но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь

Персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и донныне еще удивительно в своих развалинах. В VII веке они являются в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору; два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков Козарию. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою Козарскою и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Аланы. Вооружение воина Хазарского каганата

Хазарский воин

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Завоеватели обложили Славян данию и брали, как говорит сам Летописец, «по белке с дома». Славяне, долго грабив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от Императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и много-

людной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 [году] Христианскую... Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, поработанные ими, испровергнут их сильную Державу.

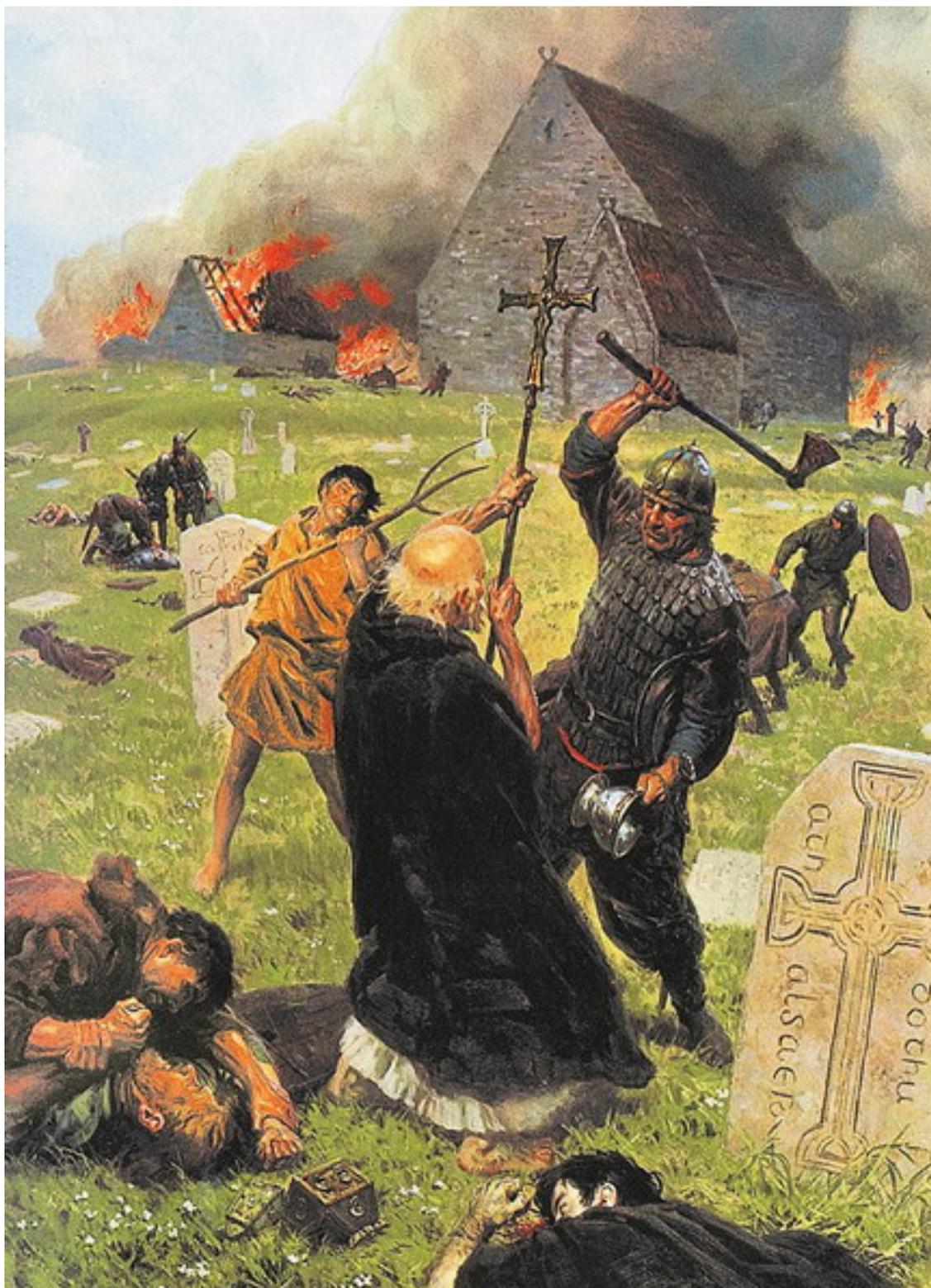

Дань славян хазарам. Миниатюра из летописи

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 850 года. Тогда – заметим сие первое хронологическое показание в Несторе – какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в

862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от племени Русского, которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться Русью. Сие происшествие важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России Варяжским: кто же в сие время – то есть в девятом веке – господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или Северных людей, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя верить баснословным Исландским повестям, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но Рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia*, *Grikia* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, то мы уже с великою вероятностью заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов.

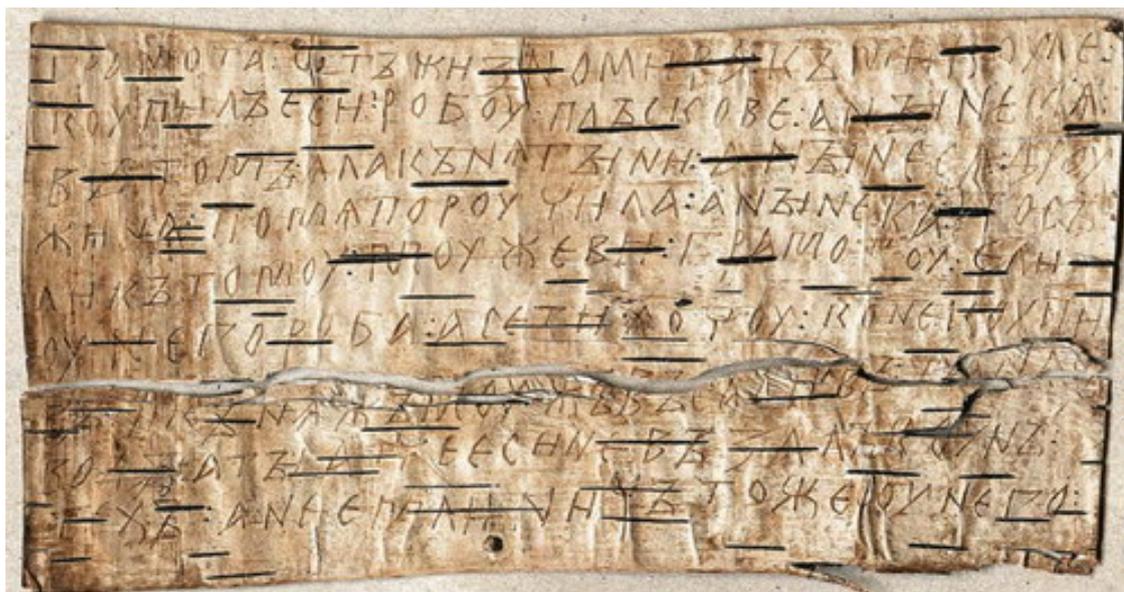

Нападение викингов на ирландский монастырь

Древние варяги сражались в наемных войсках

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал отечеству нашему и первых Государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется Росскою, Roslagen. Финны, имея некогда с Рослагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют всех ее жителей Россами, Ротсами, Руотсами.

Берестяная грамота – древний источник информации о жизни наших предков

Сообщим и другое мнение с его доказательствами. В Степенной Книге XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из Пруссии, где издавна назывались Курский залив Русною, северный рукав Немана, или Мемеля, Руссою, окрестности же их Порусьем. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиями древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многочисленных улиц называлась Прусскою.

О физическом и нравственном характере Славян древних

Древние Славяне, по описанию современных Историков, были бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, они сносили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с необычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам.

Известие Иорнанда о Венетах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных Славян Бальтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян; они имели Вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска. Византийские Историки пишут, что Славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать в плен. Древнее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Одежда славян

Битва скифов со славянами. Худ. В. Васнецов

Вооружение славянских воинов. Реконструкция

Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью; умирали в муках и не ответствовали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. Таким образом Славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они – вместо того, чтобы пользоваться ими, – обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним

Грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех Славянских. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Славяне считали жен совершенными рабами; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду.

Рус

Дружина русов. X в.

Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам.

К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, питаются всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых. Беспреданно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись. Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии; но сия мысль кажется неосно-

вательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Славяне, долженствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства. Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке Славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их. Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных.

Женщина-вятичка. Реконструкция М. Герасимова

Торг в стране восточных славян. Худ. С. Иванов

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. В средних веках цвели уже торговые города Славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Впрочем, торговля Славян до введения Христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в Империи и виде собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием, и в Герцогстве Мекленбургском найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников. Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом.

Не зная выгод роскоши, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вто-

рая – удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные Веныды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное наслаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность.

Сцена из жизни восточных славян. Худ. С. Иванов

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается пляска, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами. Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски – остались также памятником их древних забав.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя тма, знаменующее 10 000, есть древнее Славянское. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы.

Сей народ не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Каждое семейство было маленькою, независимую республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев; вместе также, предпринимая воинские походы, изби-

рали вождей, хотя весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое.

Первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Одни люди пользовались общею доверенностью в делах войны и мира.

Главный начальник, или Правитель, судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что бог суда, Прове, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и дома Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир. Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, которые имели для них силу законов писанных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости.

Общежитие рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве.

Славяне в VI веке поклонялись Творцу молнии, Богу вселенной. Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умиловать обетами, приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, Нимф, Демонов и гадали будущее. В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам.

Однако ж Славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно Белым Богом и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостием сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умиловать жертвами. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю. Славяне думали, что гнев его могут укротить волхвы или кудесники. Сии волхвы, подобно Сибирским Шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гусях, а для того именовались в некоторых землях Славянских Гусярами.

Перун и Велес

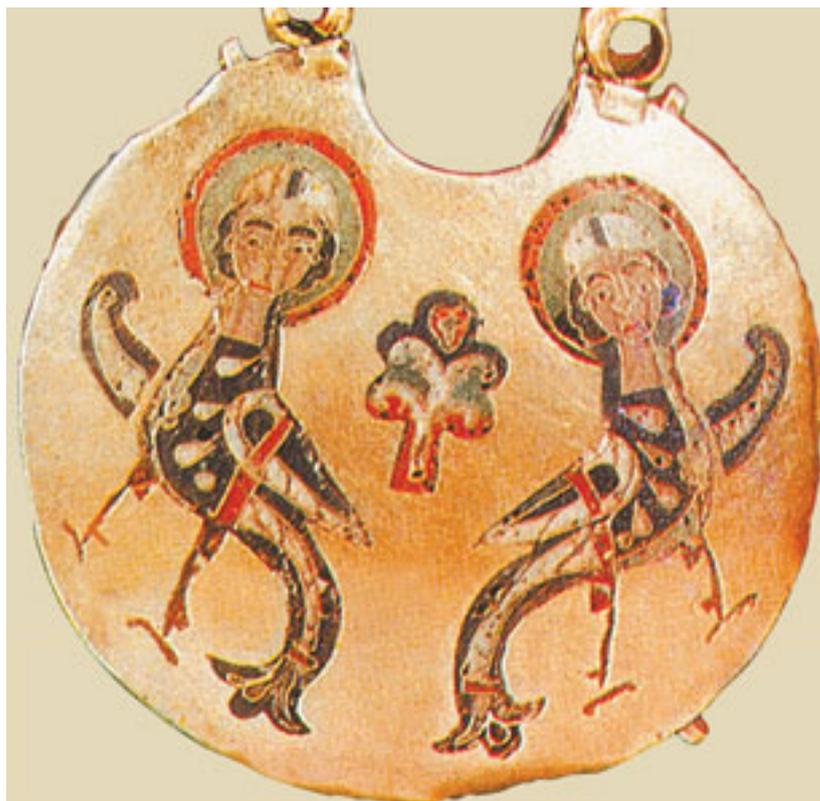
Между богами добрыми славился более прочих Святovid, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: первому – Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке; второму – Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; третьему – Поренуту с четырьмя лицами и с пятым лицом на груди: он держал его правую рукою за бороду, а левую за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался Радегаст. Он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру.

Сива – может быть, Жива – считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Ратцебурге. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т. е. Латышские, и даже Греческие идолы. Бальтийские Славяне поклонялись Водану, или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды Мекленбургские донныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой. Прусские надписи на истуканах Перуна, бога молнии, и Парстукков или Берстукков, доказывают, что они были Латышские идолы; но Славяне молились им в Ретрском храме, так же как и Греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры Числобога, Ипабога, Зибога или Зембога, и Немизы. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось исчисление времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли. Третьего обожали в Богемии как сильного Духа земли. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Золотой колт с изображением русалок

Хоровод в ночь на Ивана Купала. Худ. В. Иванов

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался Триглав. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, Припекала, означал, кажется, любострастие: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом; а третий Геровит, или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. Жители Вагрии особенно чтили Прова, бога правосудия, и Падагу, бога звероловства.

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимали Перун, бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мироправителя. Кумир его стоял в Киеве на холме, и в Новгороде над рекою Волховом, был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именует еще идолов Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла и Мокоша, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о Волосе, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России Ладо: ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 Июня. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали Купала. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные

игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идола языческому.

Изображение славянского языческого божества (Дажьбога?) на диадеме. XII в.

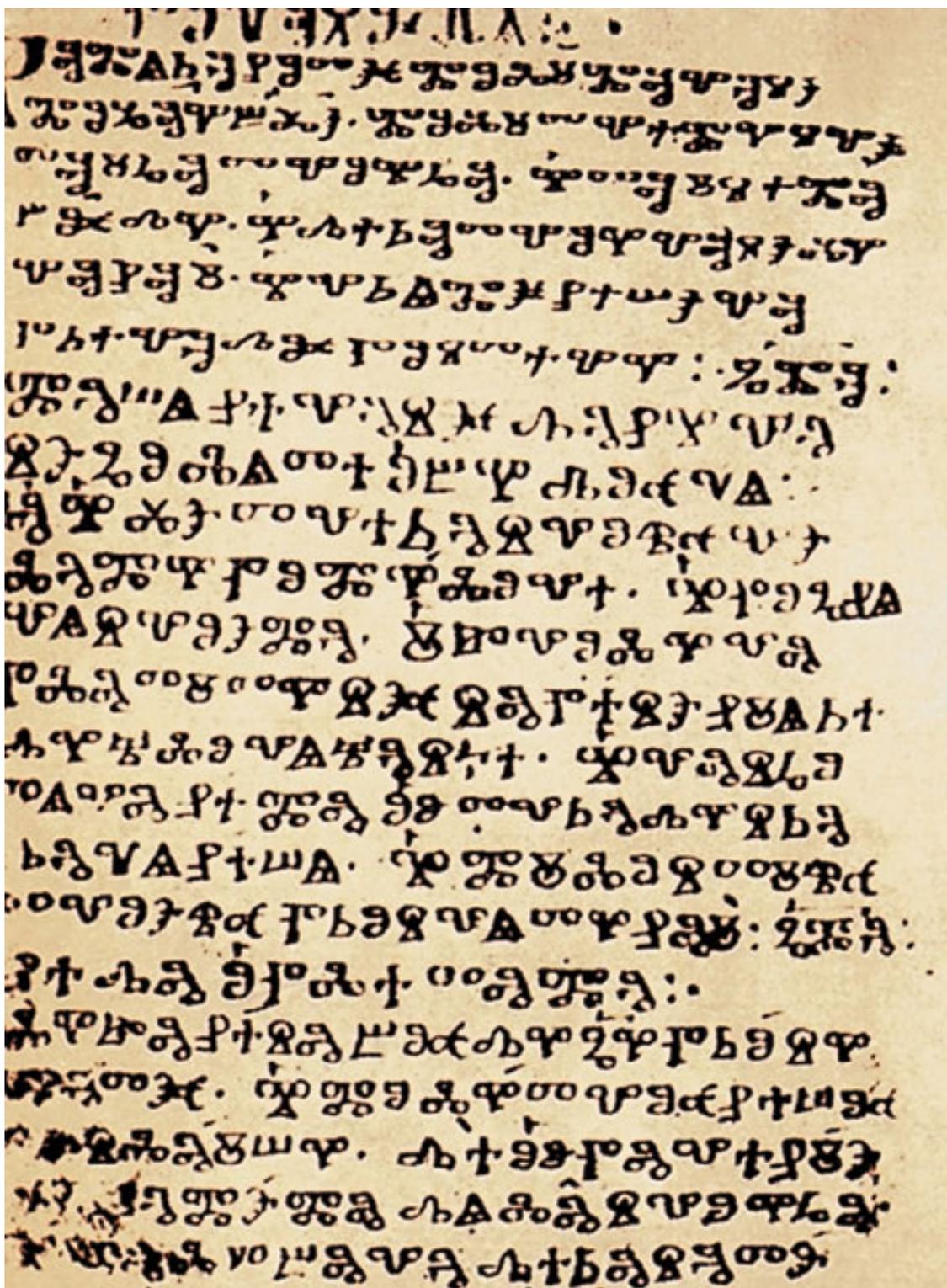
Похороны знатного руса. Худ. Г. Семирадский

Христиане и язычники. Худ. С. Иванов

24 Декабря язычники Русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются колядовать под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя Коляды и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: донныне простые люди говорят у нас о Леших, которые видом подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужащают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о Русалках, или Нимфах дубрав, о благодетельных и злых Домовых, о ночных Кикимрах и проч.

Глаголица. Рукопись X-XI вв.

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения алтарей камни в несколько саженой мерою. Жрецы, в присутствии и в глазах народа, совершали обряды Веры на сих величественных алтарях; но в течение времен, желая еще сильнее действовать на воображение людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его – в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках. Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям. По крайней мере, все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимою их божествам.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закалали одних волков и других животных; но после, омраченные суевением идолопоклонства, обагряли свои требища кровию Христиан. Жрецы думали, что идол увеселяется Христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Золотой колт с изображением богини весны. XII в.

Ночь на Ивана Купалу. Худ. К. Лебедев

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копы: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий.

Любя народные торжества, языческие Славяне оставили в году разные праздники. Главный из них был по собранию хлеба. В Богемии славился Майский праздник источников. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки донныне празднуют весну, любовь и бога Лада в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни Купалу и зимою воспевают имя Коляды. Во многих землях Славянских сохранились также следы праздника в честь мертвых: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 Марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим.

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие описывают оное следующим образом: старейшина объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые плачевными. Разводили огонь на кладбище и сожи-

гали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось Стравою и было еще в VI веке причиною великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего пиршества в честь мертвых и наголову побили их войско.

Славяне Российские – Кривичи, Северяне, Вятчи, Радимичи – творили над умершими тризну: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Но Славяне Киевские и Волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю сплетенные из ремней лестницы.

Все народы любят Веру отцев своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях Славян; но, утраченный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества, Славяне ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам.

Собрав исторические достопамятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Не имея никаких памятников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, Славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия.

Русская древняя рукопись

Венеды или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в Рунах,

заимствованных Венедями от Готфских народов. Сии Руны, числом 16 весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по греческому. Сия азбука, называемая Кирилловскою, донныне употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем Глагольской.

Итак, предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей.

Рюрик, Синеус и Трувор. 862–879 гг.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, Весь и Чудь отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именованные Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом, или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовую утвердить мечом права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерний была названа тогда Русью, по имени Князей Варяго-Русских.

Призвание князя – встреча князя со старейшинами и народом славянского города. Худ. А. Кившенко

Чрез два года [в 864 г.], по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали

на Востоке до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Муром и Полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоемцам своим, кроме Белоозера, Полоцк, Ростов и Муром. Таким образом, вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России и система Феодальная.

К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоемцев Рюриковых, именован Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим Князем, отправились с товарищами из Новгорода в Константинополь искать счастья; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: «Чей он?». Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих Варягов из Новгорода, начали под именем Россиян властвовать как Государи в Киеве.

Князь Рюрик. Портрет из «Царского титулярника»

Княжение варяжских братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Таким образом, Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге.

Нестор молчит о дальнейших предприятиях Рюрика за недостатком современных известий. Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так что Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру.

Прибытие Рюрика в Ладугу. Худ. В. Васнецов

Олег-правитель. 879–912 гг.

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважною, победами, благоразумием, любовью подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолубием Героев, в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоплеменниками, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новгородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: Вы не Князья и не знаменитого рода, но я Князь, – и показав Игоря, примолвил: – Вот сын Рюриков! Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым...

Заморские гости. Худ. Н. Рерих

Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, утрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: Да будет Киев матерью городов Российских!

Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров, и сказав: я враг им, а не вам! – удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать Россиянам то же, что Козарам: по щягу, или мелкой монете, с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне, единоплеменные с Черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тивирцев и Хорватов, там обитавших.

Смерть Аскольда и Дира на берегу Днепра. Худ. В. Торопов

В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонаравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам.

Вероятно, что сношение между Константинопомем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, Священников и Патриарха и дары от Императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостию Христианства. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся двумя тысячами легких судов: на всяком было сорок воинов; конница шла берегом. Мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Греки, уstraшенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань.

Встреча великого князя Олега с волхвом. Худ. В. Васнецов

Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на воротах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега вещим, то есть мудрым, или волхвом.

[911 г.] Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империею договор письменный, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи.

Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Надобно также приметить, что между именами четырнадцати Вельмож, употребленных Великим Князем для заключения мирных условий с Греками, нет ни одного Славянского. Только Варяги, кажется, окружали наших первых Государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив Послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов и с честью отпустил их в Киев, где они дали отчет Князю в успехе посольства.

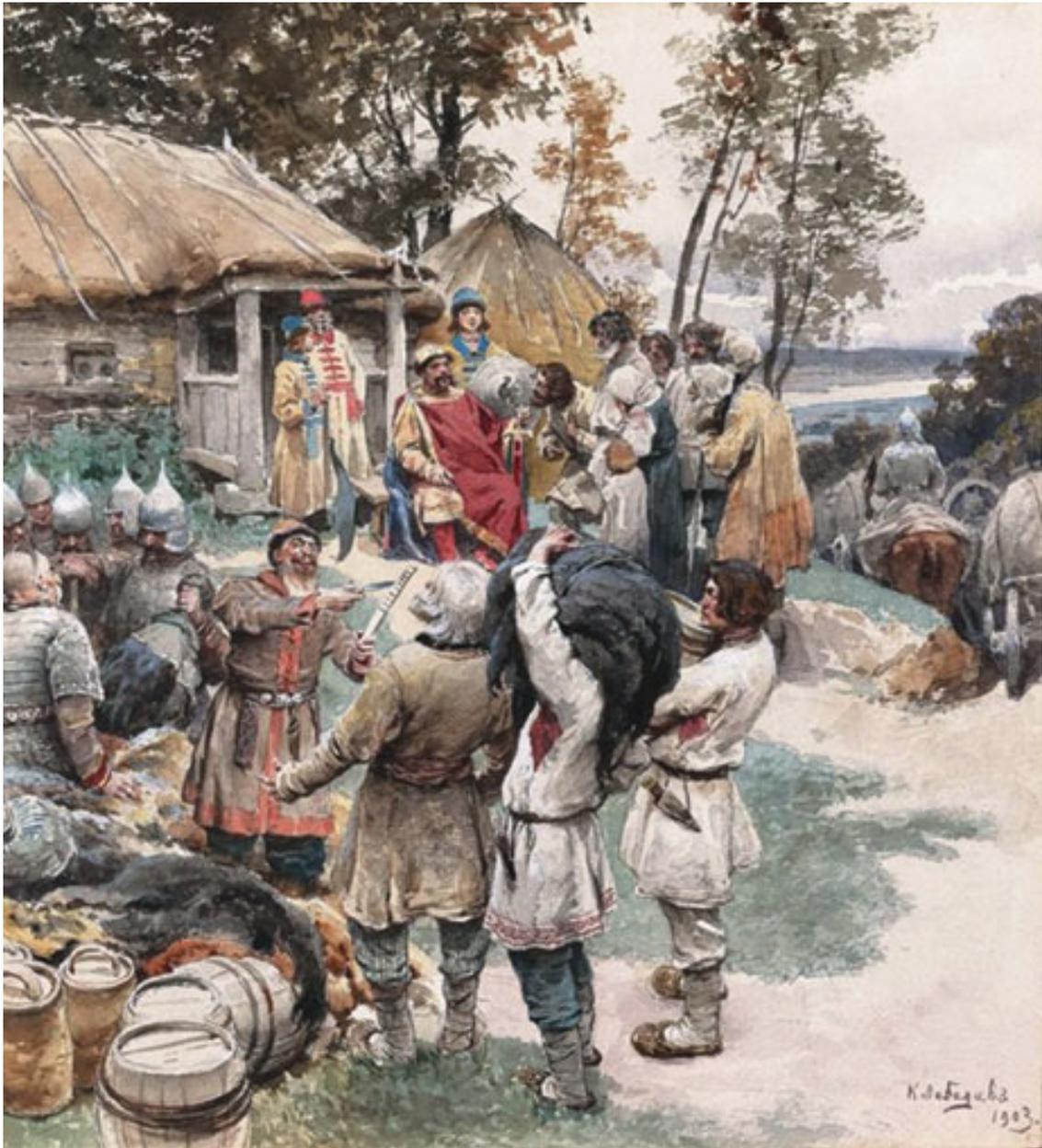
Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. «Волхвы, – так говорит Летописец, – предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила Князя, и Герой скончался»...

Князь Игорь. 912–945 гг.

Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с Византийскими Историками, описывает войну Игореву с Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с Греческим флотом в Италию. Если верить Летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить Воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя Византийским Историкам, с новым ужасом говорит о свирепости Россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но Государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана Протопретиара. Корабли Игоревы стояли на якорях близ Фара или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не сооветствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым огнем Греческим, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным Азиатским войском напали на толпы Россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам Фракийским, сразились еще с Греками на море и с великим уроном возвратились в отечество.

Смерть Игоря. 946 г. Гравюра Б. Чорикова

Князь Игорь собирает дань с древлян. Худ. К. Лебедев

Игорь не уныл, но хотел отомстить Грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал Варягов из-за моря, нанял Печенегов и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели Князь благоразумно согласится на мир. Игорь взял дары у Греков на всех воинов своих, велел наемным Печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

Великий князь Игорь Рюрикович. Роспись Грановитой палаты. XIX в.

В следующий год [944 г.] Лакапин отправил Послов к Игорю, а Князь Российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир...

Клятвенно утвердив союз, Император отправил новых Послов в Киев, чтобы вручить Князю Русскому хартию мира. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с Империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего

святое и драгоценнее для Русских язычников. Христиане Варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве.

Игорь, одарив Послов Греческих мехами драгоценными, воском и пленниками, отпустил их к Императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. Князь при наступлении осени отправился в землю Древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его – пользуясь, может быть, слабостию Князя престарелого – тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмирённых только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоприятия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Тогда отчаянные Древляне, видя – по словам Летописца – что надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою, вооружились под начальством Князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский Историк повествует, что они, привязав сего несчастного Князя к двум деревьям, разорвали надвое.

Князь Игорь. Портрет из «Царского титулярника»

Князь Святослав. 945–972 гг.

Святослав, сын Игорев, первый Князь Славянского имени, был еще отроком. Юный Князь воспитывался Боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга – вероятно, с помощью сих двух знаменитых мужей – овладела кормилом Государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых.

Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря. Двадцать знаменитых Послов Древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князь Древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала. Ольга с ласкою ответствовала: Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках... Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии! Киевляне понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила Древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим – и 5000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревои могилы.

Равноапостольная Ольга. Икона

[946 г.] Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против Древлян, еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. Для чего вы упорствуете? велела она сказать Древлянам: Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщения: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего. Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данью.

Прием великой княгиней Ольгой древлянских послов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии. Здесь оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей Церковной Истории.

Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный – восприемником от купели.

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъяснял презрение к Христианам и с досадою отвергал все убеждения матери.

[964–966 гг.] Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровую жизнь он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станова, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был Военачальник, таковы и воины. Он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: Иду на вас!

Крещение княгини Ольги. Худ. И. Акимов

Великий князь Святослав Игоревич. Роспись Грановитой палаты

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорил Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял Козарскую Белую Вежу, или Саркел, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областью Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра.

[967 г.] Неудовольствие Императора Никифора Фоки на Болгарского Царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить Болгарам за то, что они не хотели препятствовать Венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника Херсонского, ехать Послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному Князю Российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Удовлетворив мести Греков, богатый добычею, гордый славою, Князь Российский начал властвовать в древней Мизии.

[968 г.] Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго Князя, и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял Воевода Российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, Киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с уздою из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком Печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Слыша от сего посланного, что изнуренные Киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святославова, Воевода решился спасти хотя семейство Княжеское – и Печенеги на рассвете увидели лодки Российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители Киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе. Дерзость Печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

Хазарский воин

[969 г.] Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному Князю. Собрав Бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства

и Природы». По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу Государства на берега Дунайские.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю. В то же время Новгородцы, недовольные, может быть, властью Княжеских Наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в Правители. Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именован Малуши, дочери Любчанина Малька: Новгородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в Князя сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. Итак, Святослав первый ввел обыкновение давать сыновьям особые Уделы: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областью, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на Россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу Болгаров; но воины Святославовы напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским.

Греки, призвавшие Россиян на берега Дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее Болгаров. Иоанн Цимиский тогдашний Император, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

Война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстиею воинов, идти назад в Россию. Утвердив мир, Император снабдил Россиян съестными припасами; а Князь Российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя виделись на берегу Дуная. Император, окруженный златоносными всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клочок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили – и расстались друзьями.

Великодушный поступок молодого киевлянина. Гравюра Б. Чорикова

Кончина Святослава. Гравюра Б. Чорикова

Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами. Худ. А. Иванов

Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем. [972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали Россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый Воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: Князь не принял его совета. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с Печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие Россияне спаслись с Воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о гибели Святослава.

Великий Князь Владимир. 980–1014 гг.

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новгороде. Единодержавие пресеклось в Государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над Уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

Виновником сей вражды был славный Воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в своем владении: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отомстить ему, убедил Ярополка идти войною на Древлянского Князя и соединить область его с Киевскою.

Олег, узнав о намерении своего брата, также [в 977 г.] собрал войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в Древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего Князя в глубокий ров. Сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с моста.

Владимир, Князь Новгородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, утратившись Ярополкова властолюбия и бежал за море к Варягам. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; прибыл [в 980 г.] с сей надежною дружиною в Новгород, сменил Посадников Ярополковых и сказал им с гордостью: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

Великий князь Владимир Святославич. Худ. В. Васнецов

Гибель Олега Святославича и многих его воинов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ теремного двора, на священном холме, вместе с иными кумирами. Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новым городом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Перун. Идол

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба.

Идолы. Худ. Н. Рерих

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен, любя жен, любил и войну. Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после отошло к Государству Польскому. Он взял города Червен, Перемышль и другие, которые, с сего времени, будучи собственностию России, назывались Червенскими. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт Вятчей, не хотевших платить дани, и завоевал страну Ятвягов, дикого, но мужественного народа Латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого Бальтийского моря.

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обогреть алтари. Исполняя совет Бояр и старцев, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов – и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастье: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели Христианство; но торжественное хуление Веры их производило мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина

и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода его, прозванием Волчий Хвост, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки Пищаны и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: Радимичи волчья хвоста бегают.

[985 г.] Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные Торки, союзники или наемники Россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников и видя их в сапогах, сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать лапотников!». Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с Россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде». Ежели не с данию, то по крайней мере с честью и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

Первые христианские мученики в России. 983 г. Гравюра Б. Чорикова

Князь Владимир выбирает веру. Худ. И. Эггинг

Изложение мусульманами своей веры князю Владимиру. Миниатюра из Радзивилловской рукописи

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже

более ста лет мало-помалу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседственными: Венгрию, Польшю, Швецию, Норвегию и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что Великий Князь охотно выслушивал их учение.

Первые Послы были от Волжских, или Камских, Болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. Вино, сказал он, есть веселие для Русских; не можем быть без него. Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь отвечал им: Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы. Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, – ответствовали проповедники: – но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? – сказал Владимир. – Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества. – Наконец, безымянный Философ, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!». Крестися, – отвечал Философ, – и будешь в раю с первыми.

Купель баптистерия, где принял крещение князь Владимир. Раскопки в Херсонесе

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, завоевать Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, он еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощи сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны, и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром. Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Изумленный народ не смел защитити своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься – и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцов своих. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинувшись отцу, самовластному Государю всей России, могли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему?

Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских. Худ. Н. Ломтев

Крещение князя Владимира. Худ. В. Васнецов

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, Владимир был истинным отцом бедных, которые всегда могли приходиться на двор Княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: больные, говорил Владимир, не в силах дойти до палат моих – и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только Вирою, или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные

Пастыри Церкви вывели набожного Князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» – спросили они. «Боюсь гнева Небесного, – отвечивал Владимир». «Нет, – сказали Епископы, – ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий Князь, приняв их совет, отменил Виру и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новгородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням, или телохранителям Княжеским. Ярослав, тогдашний Правитель Новгорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. [1015 г.] Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его любимому сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило Государства на волю рока...

Золотник князя Владимира

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины, бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благодетеля, Бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Великий Князь Святополк. 1015–1019 гг.

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его. Обрадованный смертью дяди и благодетеля, сей недостойный Князь спешил воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя Государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с Князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив Печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь Государем России!» Борис отвечив: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив Князя, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних Бояр на совет. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить Князю злодеянием. Юный Борис, окруженный малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу Небесною Верою, лег на одр и с твердостью ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломившись в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного Отрока его, который хотел собственным телом защитить Государя и друга.

Святополк немедленно отправил гонца к Муромскому Князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Настиг его посланный от Ярослава, Князя Новгородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб оплакивал отца и любимого брата, явились вооруженные убийцы. Дружина Муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить Князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного Государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, и был наконец погребен в вышегородской церкви Св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский Князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни.

Скоро нашелся мститель: Ярослав, сильнейший из Князей Удельных, восстал на изверга...

[1019 г.] Не имея сильного войска, ни любви подданных, Святополк бежал из отечества к Печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приблизились к берегам Альты. Там увидели они полки Российские. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит Летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина Новгородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватили друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство.

Князья Борис и Глеб Владимировичи. Икона XIX в.

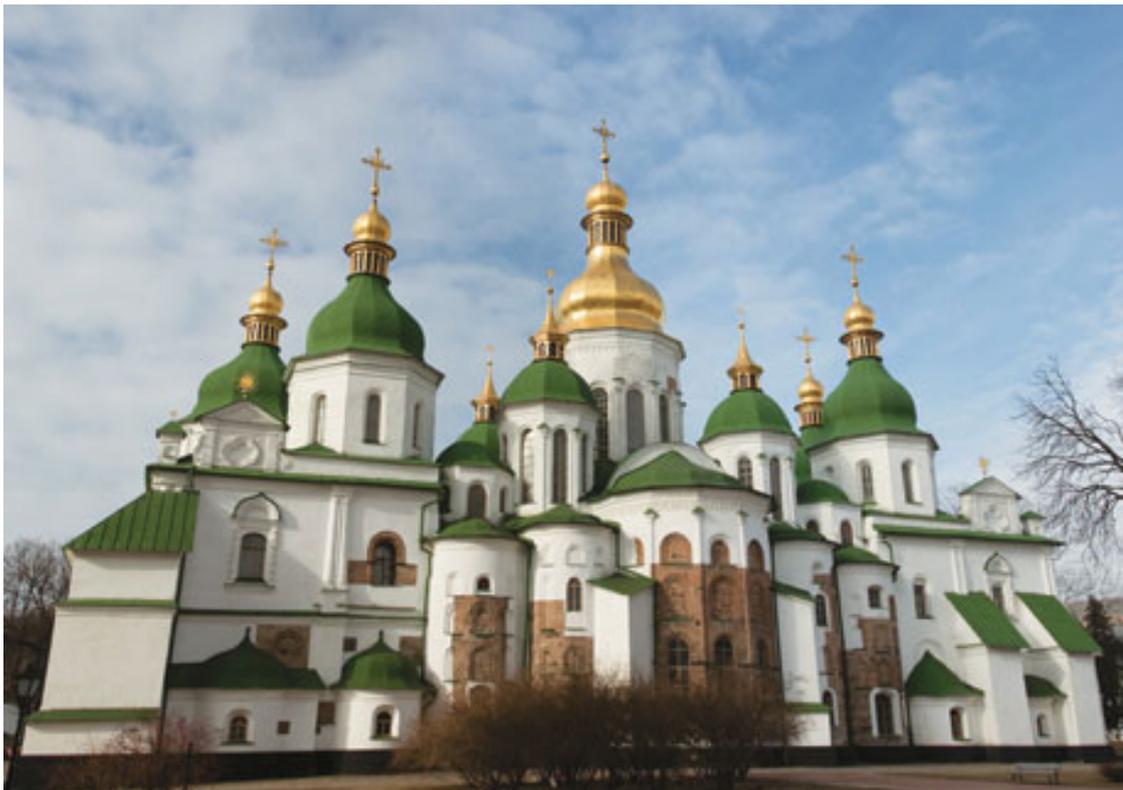
Великий Князь Ярослав. 1019–1054 гг.

Ярослав вошел в Киев и, трудами и победою заслужив сан Великого Князя Российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. [1023 г.] Уверенный в своем воинском счастье, сей Князь не захотел уже довольствоваться областью Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкой: он собрал подвластных ему Козаров, Черкесов, или Касогов, и пошел к берегам Днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава.

Великий князь Ярослав Владимирович Мудрый. Роспись Грановитой палаты

Софийский собор в Киеве

Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в середине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Варяги стояли мужественно против Северян. Храбрость, искусство и счастье Мстислава решили победу: Варяги, смятые пылким нападением его дружины, отступили.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско. Наконец два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную.

[1031–1036 гг.] Искреннее согласие двух Государей Российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей Князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовью к верной дружине.

Внутренний вид Софии Киевской. Богоматерь Оранта

Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних Удельных Князей оставался один Брючислав Полоцкий.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям Удельного Правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери Шведского Короля Олофа, он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий Князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление.

Узнав о набеге Печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. В память сего знаменитого торжества Великий Князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его каменными стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата Златыми, а новую церковь Святою Софиею Митрополитскою, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже Митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт – вероятно, Грек. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского. Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I.

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то что его родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на Греческой Царевне.

Великий Князь провел остаток жизни своей в тишине и в Христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Ярослав еще в первый год своего Единодержавия, будучи в Новгороде, сам избрал в начальники для сей Епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве Епископов, велел им поставить Митрополитом Илариона Россиянина, без всякого участия со стороны Константинопольского Патриарха...

Наставление Ярослава сыновьям. Гравюра Б. Чорикова

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, – говорил он, – вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Вячеславу – Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные!

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 Февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет.

Ярослав Мудрый зачитывает закон народу. Худ. А. Кившенко

Свод в гробнице Ярослава Мудрого

Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; успокоил отечество и любил народ свой.

Летописцы говорят, что сей Великий Князь завел в Новгороде первое народное училище, где 300 отроков приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников. Будучи основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться вторым Царемградом. Художники Греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью, донныне видимою в Киевской Софийской церкви.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее собрание наших гражданских уставов, известное под именем Русской Правды.

Великий Князь Изяслав. 1054–1077 гг.

Князь Изяслав Ярославич

Древняя Россия погрела с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе Государство. Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на Юг и Запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну Вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье, или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю Губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в частный Удел, город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брючислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал Удел отца – и Россия имела тогда шесть юных Государей.

Князь Полоцкий ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола Великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церквей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и осадили Минск в Княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам. Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество Россиян с обеих сторон легло на месте. Великий Князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий Князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу.

[1067–1068 гг.] Провидение наказало вероломных: там, где отец их одержал славную победу над Святополком и Печенегами, на берегах Альты, чрез несколько месяцев Изяслав

и братья его в ночном сражении были наголову разбиты свирепыми Половцами. Великий Князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали Веча; собрались на торговой площади, в Киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с Половцами. Великий Князь, оскорбленный сим своевольством, не хотел исполнить их желания. Бунтовщики освободили Полоцкого Князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава Государем своим и разграбил Дом Княжеский.

Король Польский, Болеслав II, сын Марии, Владимировой дочери, приняв Изяслава со всеми знаками искреннего дружелюбия как Государя несчастного и ближнего родственника, охотно согласился быть ему помощником. Всеслав, устрешенный силою Поляков, ночью ушел из стана в Полоцк. Россияне, сведав о бегстве его, с ужасом возвратились в Киев. Все граждане собрались на Вече и немедленно отправили Послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что Киевляне, изгнав Государя законного, признают вину свою. Великий Князь, дав слово быть милосердым, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице. Граждане не смели жаловаться и с покорностию встретили Изяслава, въехавшего в столицу с Болеславом и с малым числом Поляков [2 Мая 1069 г.].

Печать князя Изяслава

Изяслав принят братом Всеволодом, который предложил ему мир. Гравюра Б. Чорикова

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышегороде, управляемом тогда Вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего Духовенства, Бояр и народа, 2 Мая [1072 г.]. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополит Георгий признал святость Российских Мучеников, к удовольствию Государя и народа.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с Князем Полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России и указал ему путь от себя.

В следующем [1076] году юные Князья Российские, Владимир Мономах и Олег – первый Всеволодов, а второй Святославов сын, – заключив союз с Поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против Герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастью Изяслову, переменились. Главный враг его, Святослав, умер. Тогда изгнанник

ободрился: собрал несколько тысяч Поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в Волынии и предложил ему мир. Братья клялися, забыв прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев Государем, уступив меньшему Княжение Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленск.

Олег Святославич господствовал в области Владимирской: он должен был, по воле дядей своих, выехать оттуда и жить праздно в Чернигове.

Сей Олег, рожденный властолюбивым, бежал в Тмуторокань и решился, вместе с Борисом Вячеславичем, искать счастья оружием. Наняв Половцев, они вошли в пределы Черниговского Княжения и разбили Всеволода. Многие знаменитые Бояре лишились тут жизни. Победители взяли Чернигов и думали, что все Государство должно признать власть их; а несчастный Всеволод ушел в Киев. Мужественный Владимир спешил также из Смоленска к отцу своему и едва мог пробиться сквозь многочисленные толпы Половцев. Великий князь, Всеволод, Ярополк и Мономах соединенными силами обступили Чернигов. Олег и Борис находились в отсутствии; но граждане хотели обороняться. Владимир взял приступом внешние укрепления и стеснил осажденных внутри города. Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных Князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис сразился близ Чернигова и заплатил жизнью за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты: неприятельский всадник ударил его копьем в плечо: Великий Князь пал мертвый на землю.

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших Вельмож того времени и совершенно уничтожил смертную казнь, оставив денежную пеню за всякие убийства.

Русский воин

Великий Князь Всеволод. 1078–1093 гг.

Не сын Изяславов, но Всеволод наследовал престол Великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел право старейшинства и заступал место отца для племянников. Сей Государь утвердил Святополка на Княжении Новгородском: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Владимиру Мономаху Чернигов.

Всеволод любил мир, и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий Князь осадил Смоленск: Владимир спешил туда с Черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю, и чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил Торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных Вятичей и везде гнал неумолимых злодеев России, Половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их Вожей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Российские междуособием своим усиливали внешних неприятелей.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали Уделов, – с завистию воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием Удельного Князя и спокойный сердцем. Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался [1093 г.] в объятиях Владимира и Ростислава.

Князь Всеволод Ярославич. Портрет из «Царского титулярника»

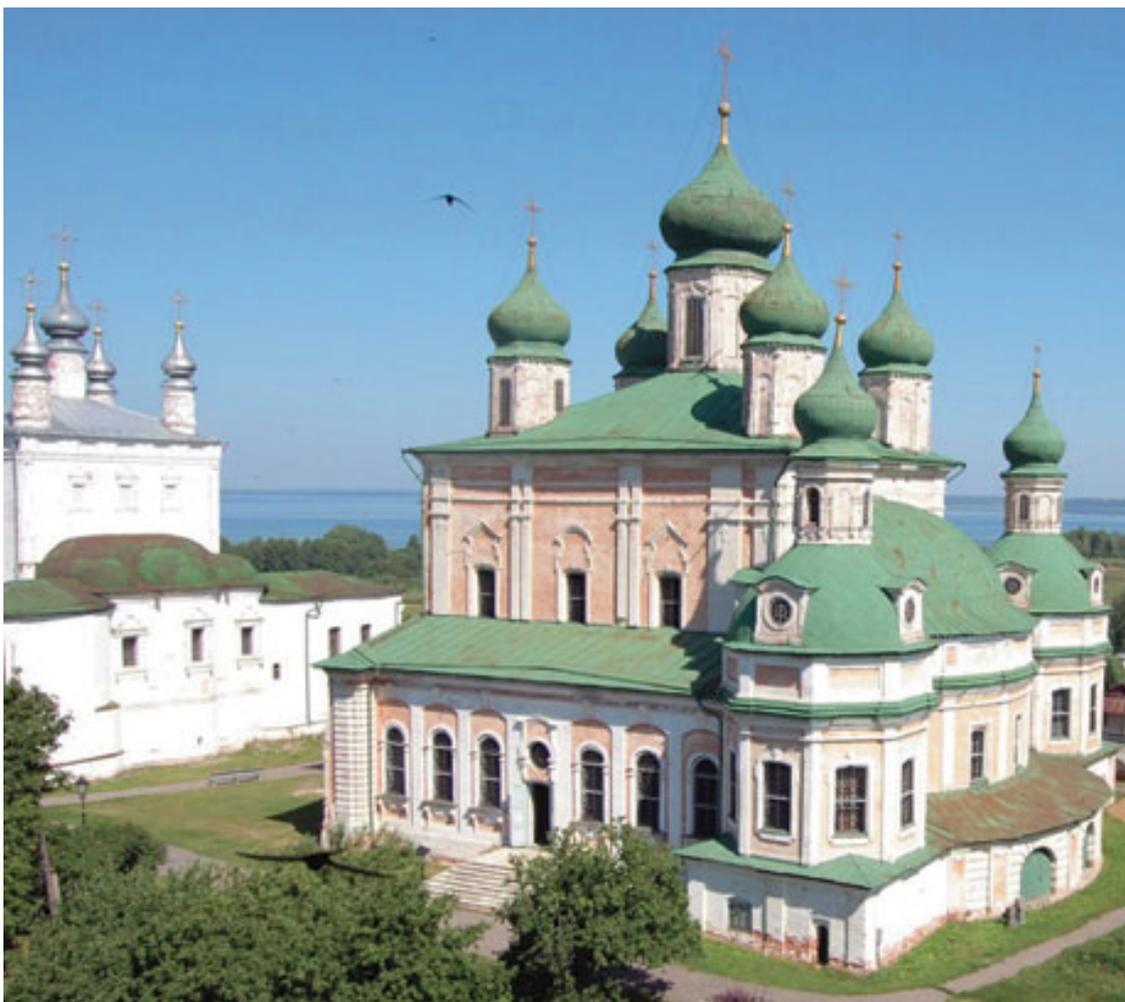
Великий Князь Святополк-Михаил. 1093–1112 гг.

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей миролюбивый Князь уступил оный Изяславу сыну и, сказав: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной», объявил Святополка Государем Российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк велел заключить Послов в темницу; но сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и Великий Князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь Черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но Князья, соединив дружины, стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец Бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях». Святополк и Владимир, приняв благой совет, обнялись братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест.

Вооружение половцев

Переяславль-Залесский. Монастырь

Олег Черниговский, вопреки данному слову, не ходил с Великим Князем на Половцев. Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он выдал им или сам велел умертвить знатного Половецкого юношу, сына Итларева, бывшего у него в руках; но Князь Черниговский отвергнул и сие предложение как злодейство бесполезное. С обеих сторон неудовольствие возрастало.

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на съезд Княжеский. Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им ответствовал: «Я – Князь, и не хочу советоваться ни с Монахами, ни с чернию». Когда так, сказали Святополк и Владимир: когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества. Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец Черниговский Князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Святополк Ярославич

Святополк хотел прекратить сию междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россию; одна толпа их сожгла в Берестове дом Княжеский, другая – местечко Устье, близ Переяславля, и тесть Святополков, Тугоркан, осадил сию Мономахову столицу. Великий Князь и Владимир умели скрыть свои движения от неприятеля, перешли Днепр, явились внезапно под стенами осажденного города. Обрадованные жители встретили их, и Россияне бросились в Трубеж, ревностно желая битвы с Половцами, которые стояли на другой стороне сей реки. Не внимая начальникам, они устремились на варваров и своим мужеством решили победу.

[1097 г.] Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание Князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благо разумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников – Половцев, успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из Князей Российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и Князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами – Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем – Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами – Перемышль и Теробовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый целовал святой крест, говоря: да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ благословлял согласие своих Князей: Князья обнимали друг друга как истинные братья.

Съезд князей. Худ. С. Иванов

Владимир Мономах

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством. Внук Ярослав, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом Великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы. Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным. Не зная ничего, Василько ехал тогда мимо Киева. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин Великого Князя; но Василько, готовясь воевать с Поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный Князь дал слово; сел на коня и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе Княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он, хотя был окован, но долгое время оборонялся. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы...

Половецкий всадник

[1104 г.] Следуя примеру отцов своих, Великий Князь и Мономах вооружились против наследников Всеславовых, которые независимо господствовали в Полоцкой области. Путята, Воевода Святополков, Олег и Ярополк, сын Владимиров, ходили осаждать Глеба Всеславича в Минске. Родной брат Глебов, Давид, находился с ними. Но войско соединенно возвратилось без успеха.

С другой стороны, Половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не сокрушил гидры. Уже варвары с добычею и с невольниками возвращались в свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Боняк, захватив табуны Переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым Вождем Половецким, старым Шаруканом. Великий Князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые, спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. Россияне, гнав их до самого Хороля, многих убили и взяли в плен. Сии успехи ни возгордили Олега

и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях Ханских. Омерзение к злобным язычникам уступало Политике и надежде успокоить Государство хотя на малое время. Мир не продолжался ни двух лет: Россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали вежи Половецкие.

[1111 г.] Наконец Мономах снова убедил Князей действовать соединенными силами. Россияне выступили 26 Февраля и 19 Марта увидели Дон. Там воины облеклись в брони и стройными рядами двинулись к югу. 24 Марта Князя разбили варваров и праздновали Благовещение вместе с победою; но чрез два дня свирепые враги окружили их со всех сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный Герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Сею войною заключились подвиги Россиян в бурное Княжение Святополка, умершего в 1113 году.

Владимир Мономах. 1113–1125 гг.

Князь Владимир Мономах. Портрет из «Царского титулярника»

По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины.

Сей Государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив Чудь, завладел городом Оденпе, или Медвежьей Головою, в Ливонии. Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю Казанских Болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; пленил множество Ясов. Около сего же времени Владимир выгнал из России Берендеев, Печенегов и Торков, новых пришельцев. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем Черных Клобуков, или Черкасов, и служили Россиянам.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что уstraшенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимира; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским.

Послы византийского императора Константина вручают Владимиру Мономаху крест и знаки монаршей власти. Роспись Грановитой палаты

Шапка Мономаха

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономаха утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов. Он хотел быть первым, а не единственным Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и Князя Владимирского: та же справедливость не позволяла ему отнять законного достояния у Князей спокойных.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался [19 Мая 1125 г.] на 73 году от рождения, славный победами за Русскую землю и благими нравами, как говорят древние Летописцы. Но всего яснее и лучше изображает его душу поучение, им самим написанное для сыновей.

«Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет

читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: он говорит несправедливо!

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, чудесны дела Его!»

Завещание Владимира Мономаха. Гравюра Б. Чорикова

Великий Князь Мстислав. 1125–1132 гг.

Мстислав Владимирович наследовал достоинство Великого Князя. Новый Государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Великий князь Мстислав. Портрет из «Царского титулярника»

Важнейшее происшествие сего времени есть падение знаменитого Дома Князей Полоцких, которые издавна отделились от России, желая быть Владетелями независимыми. Мстислав решился покорить сию древнюю область Кривичей и сделал то, чего напрасно хотели его деды. Он привел в движение силы многих Князей; все они долженствовали начать военные действия в один день. Всеволод Ольгович, послушный Великому Князю, и братья его в то же время шли к Минскому городу Борисову. Изяслав взял Логожск еще ранее назначенного Мстиславом дня и спешил соединиться с дядями, обступившими город Изяславль. Там находился Брючислав, сын Бориса Всеславича, зять Мстиславов: хотел бежать к отцу, он попался в руки к своему шурину, который вел с собою многих пленных Логожан. Узнав, что сии пленники и Брючислав довольны умеренностию победителя, осажденные граждане решились сдаться, но требовали клятвы от Вячеслава, сына Мономахова, что он защитит их от всякого насилия. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслед за дружиною Тысячских, посланною в город, бросились все воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотели остановить их; бедных граждан отдали им в жертву. Скоро и Всеволод, старший сын Великого Князя, вступил с Новгородцами в область Полоцкую: устрешенные жители

не оборонялись и выгнали своего Князя, Давида, на место коего Мстислав дал им Рогволода, брата Давидова; а чрез два года [в 1129 г.] отправил всех Князей Полоцких в ссылку за то, что они не хотели действовать вместе с ним против Половцев. Мстислав отдал Княжение Полоцкое и Минское сыну своего Изяславу.

Мстислав по возвращении из Литвы скончался [15 Апреля 1132 г.] на 56 году от рождения, заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри Государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время.

Памятная медаль князя Мстислава

Великий князь Мстислав дает полочанам в князя Рогволда. 1128 г. Гравюра Б. Чорикова

Великий Князь Ярополк. 1132–1139 гг.

Князь Ярополк Владимирович. Портрет из «Царского титулярника»

Превосходные достоинства Мстислава удерживали частных Князей в границах благоумной умеренности: кончина его разрушила порядок.

Граждане Киевские объявили Ярополка Владимировича Государем своим и призвали его в столицу. Согласно с торжественным договором, заключенным между ним и старшим братом, в исполнение Мономахова завещания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новгородский, приехав туда, чрез несколько часов был изгнан дядею, Георгием [Юрием] Владимировичем, Князем Суздальским и Ростовским, который заключил союз с меньшим братом Андреем. Великий Князь убедил Георгия выехать из Переяславля; но, чтобы успокоить братьев, отдал сию область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Таким образом слабость нового Государя обнаружилась в излишней снисходительности.

И южная Россия была в сие время театром раздора. Ольговичи, Князья Черниговские, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьям его; призвали Половцев; жгли города, села; грабили, пленяли Россиян и заключили мир под Киевом.

[1136 г.] Между тем Новгородцы, мира других, сами не умели наслаждаться внутреннею тишиною. Князь был жертвою их беспокойного духа. Всеволод был заключен в Епископском доме с женою, детьми и получил свободу, когда Святослав Ольгович, брат Князя Черниговского, избранный народом, приехал княжить в Новгород. Всеволод искал защиты Ярополковой, и добросердечный Великий Князь, забыв вину сего племянника (хотевшего прежде, в досаду ему, овладеть Суздальскою землею), дал изгнаннику Вышегород; но равнодушно смотрел на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояние Государей Киевских, уже не признавала над собою их власти.

Русские воины

Новгородцы, избрав Святослава, объявили себя неприятелями Великого Князя, также Суздальского и Смоленского. Псковитяне не хотели иметь с ними сношения. Лишенные подвозов, они терпели недостаток в хлебе, и неудовольствие народное обратилось на Князя невинного. Но Святослав не мог успокоить народа и был изгнан с бесчестьем. Желая защитить себя от мести Ольговичей, граждане оставили в залог у себя его Бояр и Княгиню; сослали ее в монастырь Св. Варвары и призвали в Новгород Ростислава, внука Мономахова, сына Георгиева; заключили мир с Великим Князем, Псковитянами и хвалились своею муд-

рою Политикою. Горестный Святослав, разлученный с женою, на пути своем в Чернигов был остановлен Смоленскими жителями и заперт в монастыре Смядынском: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Заключение Святослава еще более остервенило жестоких Ольговичей; пылая гневом, они свирепствовали в южной России, взяли Прилук, думали осадить Киев. Но Ярополк собрал уже сильную рать, заставил их удалиться и скоро приступил к Чернигову. Не только все Российские Князья соединились с ним, но и Венгры дали ему войско: в стане его находились еще около 1000 конных Берендеев или Торков. Жители Черниговские ужаснулись и требовали от своего Князя, Всеволода, чтобы он старался умиловить Ярополка. Черниговцы не обманулись: Великий Князь, тронутый молением Всеволода, явил редкий пример великодушия или слабости: заключив мир, утвержденный с обеих сторон клятвою и дарами, возвратился в Киев и скончался [18 Февраля 1139 г.]. Сей Князь, подобно Мономаху, любил добродетель, как уверяют Летописцы; но он не знал, в чем состоит добродетель Государя. С его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастьем России: ибо первые не хотели довольствоваться своею наследственною областью и не могли, завидуя вторым, спокойно видеть их на престоле Великокняжеском.

Перемирие между Ярополком и Всеволодом. 1139 г. Гравюра Б. Чорикова

Георгиевский собор Юрьева монастыря, построенный в Новгороде по велению Всеволода Мстиславича

Великий Князь Изяслав Мстиславич. 1146–1154 гг.

Изяслав мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество.

Великий князь Изяслав Мстиславич

Георгий Владимирович Суздальский видел с досадою, что Изяслав, вопреки древнему уставу, отняв старейшинство у дядей, сел на троне Киевском. Святослав обратился к Георгию и молил его освободить Игоря. Георгий дал ему слово и начал готовить войско.

Великий Князь, сведав о воинских приготовлениях Георгия Владимировича, велел другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набегами тревожить Суздальскую область; сам же выступил из Киева и соединился с Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Жители охотно сдались Великому Князю.

[1147 г.] Святослав ожидал Георгия: он действительно шел к нему в помощь; сведав же о нападении Князя Рязанского на Суздальскую область, возвратился из Козельска.

Князья Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля; но, слыша, что Георгий прислал к нему 1000 Белозерских латников, отступили к Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить в стране Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава и что убийцы будут награждены его именем! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Только Владимир Рязанский и сын Георгиев, Иоанн, усердно делили труды и беспокойства с Святославом, который, имев несчастье лишиться последнего, столь горестно оплакивал кончину сего юноши, что сам Георгий старался его утешить и обещал

другим сыном заменить ему умершего верного сподвижника. Общая ненависть к Великому Князю утвердила союз между ими: Князь Суздальский изгнал Рязанского, союзника Изяславова, заставил его бежать к Половцам, взял Торжек и пленил жителей; а Святослав разорил часть Смоленской области, вокруг Протвы, или землю Голядскую.

Довольный злом, причиненным Уделу Изяславовых братьев, Георгий желал лично угостить Святослава, коего сын, Олег, подарил ему тогда редкого красотою парда. Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу Князей, великолепии обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении Бояр Святославовых. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова.

Сие угощение достопамятно: оно происходило в Москве. К сожалению, Летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, Марта 28, и можем верить новейшим Летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей Князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного Боярина Кучка, Степана Ивановича, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотою места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в Суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного Боярина. Москва также на крови долгое время именовалась Кучковым.

Черниговские Князья, Святослав Ольгович и сын Всеволодов, заключили союз, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу.

Ростислав, старший сын Георгиев, посланный отцом действовать заодно с Князьями Черниговскими, гнушался их вероломством и приехал в Киев, где Изяслав встретил его дружелюбно, угостил, осыпал дарами. Сей юноша, не имея в Суздальской земле никакого Удела, предложил свои ревностные услуги Великому Князю, как старшему из внуков Мономаховых.

Скоро Великий Князь испытал превратность счастья и мог приписать оную собственной несправедливости. Ростислав Георгиевич был ему истинным другом; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, в его отсутствие хотел завладеть столицею и подобно отцу ненавидит род Мстислава. Великий Князь, упрекая Ростислава неблагодарностию, отнял у него все имение, оружие, коней; заключил в цепи дружину и самого отправил с тремя чело-веками в лодке к отцу, не дав ему суда и не хотев слушать оправданий. Георгий оскорбился бесчестием сына гораздо более, нежели опустошением Суздальской области. Георгий выступил, соединясь с Половцами. Уверенный, что Георгий действительно намерен идти к Киеву, Святослав выехал к нему на встречу близ Обояна; также и сын Всеволодов, единственно в угодность дяде. Георгий долго стоял у Белой Вежи, надеясь одним страхом победить Великого Князя. Но Изяслав, собрав верных братьев, готовился к битве. Георгий осадил Переяславль: там находились Владимир и Святополк Мстиславичи. Великий Князь спешил защитить город и вошел в него; а Георгий, желая оказать умеренность, послал к нему Боярина с такими словами: «Чтобы отвратить несчастное кровопролитие, забываю обиды, разорение моих областей и старейшинство, коего ты лишил меня несправедливо. Царствуй в Киеве: отдай мне только Переяславль, да господствует в нем сын мой!» – «Нет! – сказал Князь: – я добыл Киева и Переяславля головою: могу ли отдать их?» Изяслав расположил войско против неприятеля. Георгий начал отступать: тогда Изяслав, как бы пробужденный от глубокого сна, быстро устремился вперед, вообразив, что неприятель бежит. Затрубили в воинские трубы; солнце закатилось, и шум битвы [23 августа 1149 г.] раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великого Князя. Берендеи обратили тыл; за ними Изяслав Давидович с дружиною Черниговскою; за ними Киевляне; а Переяславцы изменили, взяв сторону Георгия. Изяслав пробился сквозь полк Ольговича и Суздальский, прискакал в Киев

и, взяв супругу, детей, Митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дня в Киев.

Изгнанный Великий Князь обратился к старшему дяде, Вячеславу, им оскорбленному. Но Вячеслав держал сторону Георгия, не веря ласкам, не боясь угроз племянника, который нашел союзников в Венгерском Короле Гейзе, Владиславе Богемском и в Ляхах. Но сии иноземные союзники, узнав, что Георгий соединился с Вячеславом и что мужественный Владимирко Галицкий идет к нему в помощь, не захотели битвы и советовали Изяславу примириться с дядею. Георгий отвергнул мирные предложения, которые состояли в том, чтобы он, господствуя в столице Киевской или уступив оную старшему брату, утвердил за Изяславом область Владимирскую, Луцкую и Великий Новгород со всеми данями. Князь Суздальский надеялся отнять у племянника все владения, а гордый Изяслав предпочитал гибель миру постыдному.

Первое упоминание о Москве. Встреча Юрия (Георгия) Долгорукого со Святославом Ольговичем. Миниатюра из Лицевого свода

[1150 г.] Неприятельские действия начались в Волынии осадой Луцка, славною для сына Георгиева Андрея, ибо он имел случай оказать редкое мужество. В одну ночь, оставленный союзными Половцами, сей Князь презрел общий страх, устыдил дружину и хотел лучше умереть, нежели сойти с места. Видя же под стенами Луцка знамена отца своего (пришедшего к городу с другой стороны) и сильную вылазку осажденных, Андрей устремился в битву [8 Февраля], гнал неприятелей и был на мосту окружен ими. Его братья, Ростислав, Борис, остались далеко, ничего не зная. Только два воина могли следовать за Князем: один пожертвовал ему жизнь. Камни сыпались с городских стен; уязвленный конь Андреев исходил кровию; острая рогатина прошла сквозь луку седельную. Герой изломив копье, вынул меч; призвал имя Св. Феодора (ибо в сей день торжествовали его память), сразил Немца, готового пронзить ему грудь, и благополучно возвратился к отцу. Георгий, дядя Вячеслав, Бояре, витязи с радостными слезами славили храбрость юноши.

Брат Изяславов, Владимир, начальствовал в Луцке. Три недели продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды в Стыре, и Великий Князь хотел отважиться на битву для спасения города. Тут Владимирко Галицкий стал между неприятелями, чтобы не допустить их до кровопролития, и взял на себя быть ходатаем мира. Весною заключили мир: Изяслав сложил с себя достоинство Великого Князя; а Георгий, желая казаться справедливым, уступил Киев брату, старшему Мономахову сыну.

Мужество князя Андрея под стенами Луцка. 1150 г. Гравюра Б. Чорикова

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгия. Будучи корыстолюбив, он не исполнил условий, и не возвратил Изяславу воинской добычи. Не получив удовлетворения, занял Луцк, Пересопницу, где находился Глеб Георгиевич, дав ему свободу, Изяслав сказал: «У меня нет вражды с вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любит ни правды, ни ближних». Уверенный в доброхотстве Киевлян, он с малочисленною дружиною пришел к берегам Днепра и соединился с Берендеями; а Князь Суздальский, изумленный нечаянною опасностью, бежал в Городец.

Надеясь воспользоваться сим случаем, слабодушный Вячеслав приехал в Киев и расположился во дворце. Но граждане стремились толпами навстречу к Изяславу. «Ты наш Государь! – восклицали они: – не желаем ни Георгия, ни брата его!» Великий Князь послал объявить дяде, чтобы он, не хотел добровольно принять от него чести старейшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства переменялись.

Князь Суздальский еще более возненавидел Мстиславичей за разрушение Городца, который был единственным его достоянием в полуденных, любезных ему странах Государ-

ства. Там он жил духом и мыслями; там лежал священный прах древних Князей Российских, славились храмы чудесами и жители благочестием. Георгий в наследственном восточном Уделе своем считал себя как бы изгнанником и думал только о способах удовлетворить своему властолюбию. Он призвал Князей Рязанских и Половцев, кочевавших между Волгою и Доном; занял область Вятичей и велел Князю Новагорода Северского, Святославу Ольговичу, также быть к нему в стан под Глухов. Видя, что Георгий намерен осадить Чернигов, Князь Смоленский, по сделанному условию с братом, вошел в сей город защитить Изяслава Давидовича, их союзника. Тут находился и Святослав Всеволодович, который уже знал характер Георгиев и не любил его. Набожный Князь Суздальский, подступив к Чернигову в день Воскресный, не хотел обнажить меча для праздника; но велел Половцам жечь и грабить в окрестностях! Двенадцать дней продолжались битвы, знаменитые мужеством Андрея Георгиевича: он требовал, чтобы Князья, союзники Георгиевы, сами по очереди ходили на приступ, для ободрения войска; служил им образцом и собственною храбростию воспламенял всех. Осажденные не могли защитить внешних укреплений, сожженных Половцами, и город был в опасности; но Великий Князь спас его. Услышав только, что Изяслав перешел Днепр, робкие Половцы бежали: Георгий также отступил за Снов, и Князь Черниговский встретил своего избавителя на берегу реки Белоуса.

Великий Князь изъявил сожаление о внезапной кончине знаменитого, умного Владимира, основателя могущественной Галицкой области, но требовал доказательств искреннего дружелюбия от Ярослава – то есть, возвращения городов Киевских, и видя, что ему хотят удовлетворить только ласковыми словами, а не делом, прибегнул к оружию.

Малочисленность союзных Половцев и конский падеж заставили Георгия отложить войну. Между тем Изяслав, не дожив еще до глубокой старости, скончался, к неутешной горести Киевлян, всех Россиян.

Борисоглебский собор в Чернигове. 1-я пол. XII в.

Великий Князь Георгий, или Юрий, прозванный Долгоруким. 1155–1157 гг.

Князь Юрий (Георгий) Долгорукий. Миниатюра из «Царского титулярника»

Добрый Вячеслав скоропостижно умер [в 1155 г.]: ввечеру пировал с Боярами и ночью заснул навеки. Искренно сожалея о кончине его, Ростислав спешил в Киев предать земле тело старца в Софийском храме и быть свидетелем общей горести: ибо народ любил добродетели сего Мономахова сына.

Когда Ростислав возвратился к войску, Бояре не советовали ему идти далее. «Ты еще слаб на престоле, – говорили они: – утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгия». Великий Князь отвергнул благоразумный совет; он приближался к Чернигову, требуя, чтобы Изяслав дал ему клятву верного союзника. «Кто вступил в мою область неприятелем, с тем не хочу дружиться», – ответил Изяслав и, соединясь с Глебом Георгиевичем, расположился станом на берегах реки Белоуса. Тут открылось малодушие Ростислава, который, будучи утрачен множеством Половцев, в самом начале перестрелки дал знать Черниговскому Князю, что уступает ему Киевскую область с Переяславлем, желая одного мира. Георгий согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился с ним и спешил к Киеву; простил и Святослава Всеволодовича, уважив ходатайство его дяди, Северского Князя, и послал объявить Черниговскому, чтобы он выехал из столицы Мономаховой. Изяслав колебался, медлил; говорил, что Киевляне добровольно возвели его на престол; но, не имея надежды отразить силу силою, отправился в Чернигов. Георгий, вступив в Киев, с общего согласия принял сан Великого Князя [20 Марта 1155 г.].

Следуя обыкновению, он назначил сыновьям Уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили Берендеи и Торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротыньск, Карачев и дав ему за них другие.

Великий князь Георгий отступает от осажденного им Владимира. 1156 г. Гравюра Б. Чорикова

Опасаясь смелого, пылкого Мстислава, Великий Князь послал Юрия Ярославича, внука Святополкова, с Воеводами на Горынь: они взяли Пересопницу. В то же время зять Георгиев, Князь Галицкий, и Владимир, брат Смоленского, осадили Луцк. Мстислав отправился искать союзников в Польше; но меньший брат его, Ярослав, заставил неприятелей снять осаду.

Достигнув главной цели своей, обремененный летами и желая спокойствия, Георгий призвал Ростислава Смоленского, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянников, и хотел видеть их в Киеве. Ярослав повиновался; но Мстислав, боясь обмана, не ехал: Георгий послал к нему крестную грамоту, в доказательство искренней дружбы. Узнав о сем союзе и прибытии в Киев Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговский, недовольный Георгием, также смирился и выдал дочь свою за его сына, Глеба. Великий Князь уступил Изяславу Корческ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанские новыми крест-

ными обетами утвердили связь с Ростиславом Смоленским, коего они признавали их отцом и покровителем.

[1156 г.] Россия наслаждалась тишиною, говорят Летописцы: сия тишина была весьма непродолжительна. Мстислав принял крестную грамоту от деда, но не дал ему собственной и выгнал Георгиева союзника, Владимира, родного дядю своего, из Владимирской области. Оскорбленный Георгий, в надежде смирить внука с помощью одного Галицкого Князя, не хотел взять с собою ни Черниговской, ни Северской дружины и выступил с Берендеями. Изгнанник Владимир Мстиславич прибегнул к Великому Князю; но Георгий в самом деле не думал об нем, а хотел, пользуясь случаем, завоевать область Волынскую для другого племянника, Владимира Андреевича, чтобы исполнить обещание, некогда данное отцу его. Жестокое сопротивление Мстислава уничтожило сие намерение: десять дней кровь лилась под стенами Владимирскими, и Георгий, как бы подвигнутый человеколюбием, снял осаду. Владимир Андреевич ходил к Червену с мирными предложениями: напоминал тамошним гражданам о своем родителе, великодушном их Князе Андрее; обещал быть ему подобным, справедливым, милостивым; но, уязвленный в горло стрелою, удалился, отмстив жителям опустошением земли Червенской. Георгий наградил его Пересопницею и Дорогобужем; а Мстислав, следуя за дедом, жег селения на берегах Горыни.

Великий Князь щадил старинных друзей своих, Половцев. Они тревожили окрестности Днепра и были наказаны мужественными Берендеями, которые многих хищников умертвили, других взяли в плен и, в противность Георгиеву желанию, не хотели их освободить. Георгий, два раза ездив в Канев для свидания с Ханами Половецкими, не мог обезоружить их ни ласкою, ни дарами; наконец заключил с ними новый союз, чтобы в нужном случае воспользоваться помощью сих варваров.

[1157 г.] Ростислав Мстиславич имел преданных ему людей в Новгороде, которые объявили всенародно, что не хотят повиноваться Мстиславу Георгиевичу. Сделалось смятение; граждане разделились на две стороны. Но сын Георгиев бежал, узнав о прибытии детей Смоленского Князя, и таким образом уступил Княжение Ростиславу, который, чрез два дня въехав в Новгород, восстановил совершенную тишину.

Великий князь Георгий (Юрий) Долгорукий. Роспись Грановитой палаты

Сие происшествие долженствовало оскорбить Георгия: у него были и другие враги. Изяслав Давидович с завистию смотрел на престол Киевский; искал друзей; примирился с Ростиславом и для того оставил без мести неверность своего племянника, Святослава Владимировича, который, вдруг заняв на Десне города Черниговские, передался к Смоленскому Князю. Мстислав Изяславич Волынский также охотно вступил в союз с Давидовичем, чтобы действовать против Георгия, и сии Князья готовились идти к Киеву. Судьба отвратила кровопролитие: Георгий, пиروвав у Боярина своего, Петрила, ночью занемог и чрез пять дней [15 Маия 1157 г.] умер.

Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля. Худ. А. Васнецов

Георгий, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей Истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там Веру Христианскую, сей Князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных Пастырей, тогда единственных наставников во благонравии; открыл пути в лесах дремучих; основал новые селения и города: кроме Москвы, Юрьев Польский, Переяславль Залесский (в 1152 году). Дмитров, на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына, Всеволода-Димитрия, который (в 1154 году) родился на сем месте. Но Георгий не имел добродетелей великого отца. Скромные Летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном Князя столь любимого, не умел заслужить любви народной. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской Обители Спаса.

Памятник Юрию Долгорукому в Москве

Князь Андрей Суздальский, или Владимирский по прозвищу Боголюбский

Князь Андрей Суздальский или Владимирский

Киевляне, изъявив ненависть к умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгиеву, Изяславу Давидовичу, чтобы он шел мирно властвовать в столице Российской. Изяслав, при восклицаниях довольного народа, въехал в Киев [19 Мая 1157 г.], оставив в Чернигове племянника своего, Святослава Владимировича. Переяславль, Новгород, Смо-

ленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия имели тогда Государей особенных, независимых, и достоинство Великого Князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием. Но в то время, как древняя столица наша клонится к совершенному падению, возникает новая под сению Властителя, давно известного мужеством и великодушием.

Еще при жизни Георгия Долгорукого сын его, Андрей, в 1155 году уехал из Вышегорода (не предупредив отца о сем намерении). Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом, иноплеменниками и своими, казалась ему обителию скорби и предметом гнева Небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия, Андрей, по совету шурьев своих, Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан. Сей Князь набожный вместо иных сокровищ взял с собою Греческий образ Марии, украшенный, как говорят Летописцы, пятнадцатью фунтами золота, кроме серебра, жемчуга и камней драгоценных; избрал место на берегу Клязьмы, в прежнем своем Уделе: заложил каменный город Боголюбов, распространил основанный Мономахом Владимир, украсил зданиями каменными, Златыми и Серебряными вратами. Как нежный сын оплакав кончину родителя, он воздал ему последний долг торжественными молитвами, строением новых церквей. Суздаль, Ростов, дотоле управляемые Наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея Государем. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном Уделе; основал новое Великое Княжение Суздальское, или Владимирское, и приготовил Россию северовосточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным...

Золотые ворота во Владимире

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великого Князя: Святослава Ростиславича из Новгорода, а Давида из Торжка. Не добротствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда Князем Черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья Великого Князя, Владетель Северский с братом, Полочане и дружина Галицкая была с Святославом Ольговичем; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идет отразить их от Вщижа, союзники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обязав племянника чтить его как старшего в роде. Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать Новгородцам, что он намерен искать их Княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Новгородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю. Андрей отправил племянника, Мстислава, Наместником в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу. Хотя Великий Князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского Княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную Систему Уделов, княжил едино-

властно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, и братья сего Князя, следуя внушению коварных Бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших Вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевич, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осемилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии).

Князь Мстислав в собрании князей предлагает им идти войной на половцев. Гравюра Б. Чорикова

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область Новгородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престоле. Щедро одаренный ими и Святославом, успокоенный их согласием,

Великий Князь скончался [14 Марта 1167 г.] на пути, тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христианского умиления.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ Киевский и Черные Клобуки – исполняя известную им последнюю волю умершего Великого Князя – звали на престол Мстислава Волынского.

Новгородцы, думая, что смерть отца Святослава разрешила их клятву, умыслили изгнать своего Князя. Сведая заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить Новгородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», – ответствовали граждане. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощью Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны Князь Смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы Новгородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного Князя», – говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил Посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого Князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Между тем в Новгороде начальствовал умный Посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей Князь не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

[1168 г.] Несколько месяцев Новгород сиротствовал без Князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех Князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев, которые не пременили доныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют Христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым путем Греческим. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за Русскую землю, и каждый привел свою дружину. Девять дней шло войско степями: Половцы услышали, и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князя, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили Российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою Князя, Бояре и воины.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни Киевляне, радуясь победе и товарам Греческим, не предвидели близкого несчастья. Одна из причин оного была весьма маловажна: Князя жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два Боярина, удаленные Великим Князем от двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий Князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Дворец князя Андрея в Боголюбове

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новгородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег Смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем Новгородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою Князей Российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславским и с Полоцким Князем; взял дружину у Владетелей Рязанского и Муромского; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение одиннадцати Князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру. Мстислав едва успел призвать Берендеев и Торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 Марта 1169 г.] союзники взяли Киев приступом, чего не бывало дотоле. Сия мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них силою. Победители в течение трех дней грабили не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицей отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным Великим Князем России; и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России.

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних Губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; отчасти, в Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областью Киевскою; повелевал Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговские и Галицкий оставались независимы: Новгород также.

Россия северная в то же время была театром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу Государства, думал смирить Новгородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые неприятельские действия еще более возгордили сих надменных друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд Суздальский и взяли дань с Андреевской области. Тогда Великий Князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князья Смоленский, Рязанский, Муромский, Полоцкий вторично соединили свои дружины с его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолубием: он не хотел сам предводительствовать ратю и в надежде на счастье или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство.

Успенский собор во Владимире, построенный по приказу Андрея Боголюбского

Андрей Боголюбский. Реконструкции М. Герасимова

Вместо того чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа или врагам изгнанного Святослава, за коего Великий Князь вступался, Мстислав Андреевич в области Новгородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь Новгородцев. Юный Князь их, Роман Мстиславич, и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном; вооружили множество людей. Неприятели, на трехстах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдались. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день [25 Февраля 1170 г.] началась битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, устави́ли ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздник благодарности.

Казалось, что Новгородцы, столь озлобленные Боголюбским, должныствовали навеки остаться его врагами; но чрез несколько месяцев изгнав Князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем: ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей Российских.

Северные области успокоились: в южных снова свирепствовали Половцы, которые на сей раз пришли из-за реки Буга, от берегов Черного моря. Глеб Киевский, отягченный болезнию, не мог защитить бедных земледельцев; но храбрый Михаил и юный брат его, Всеволод Георгиевич, с Торками и Берендеями разбили хищников. Освободив 400 Россиян, сыновья Георгиевы возвратились оплакать кончину Глеба, благонаванного, верного в слове и милосердного.

Еще Андрей не имел времени назначить преемника Глебова, когда Ростиславичи, Давид и Мстислав, послали в Волынию за дядею своим, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как старший в роде Мономаховом, господствовал в Киеве. Будучи союзником Ярослава Луцкого и сыновей его брата, Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был [15 Февраля 1171 г.] возведен племянниками на Киевский престол, к неудовольствию граждан и Боголюбского, который, хотя унизил сию столицу, однако ж думал, что Князь, славный только вероломством, не достоин именоваться наследником ее древних самодержцев. Андрей велел ему немедленно выехать из Киева; но Владимир, княжив менее трех месяцев, умер. Тогда Андрей, соединяя честолюбие с благородным бескорыстием и как бы желая великодушием устыдить Ростиславичей, объявил им, что они, дав слово быть ему послушными как второму отцу, имеют право ждать от него милости и что он уступает Киев брату их, Роману Смоленскому.

Великий Князь, женатый – по известию новейших Летописцев – на дочери убиенного Боярина Кучка, осыпал милостями ее братьев. Один из них приличился в каком-то злодействе и заслужил казнь. Другой, именем Иоаким, возненавидел Государя и благодетеля за сие похвальное действие правосудия; внушал друзьям своим, что им будет со временем такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточенного старостию; что безопасность есть закон каждого, а мщение должность. Двадцать человек вступили в заговор. Никто из них не был лично оскорблен Князем; многие пользовались его доверенностию: зять Иоакимов, Вельможа Петр (у коего в доме собирались заговорщики), Ключник Анбал Ясин, чиновник Ефрем Моизович. В глубокую полночь [29 Июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове, ободрили себя вином и крепким медом в Княжеском погребе, зарезали стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. Услышав голос Великого Князя, злодеи отбили дверь ложницы, или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного Ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросились на Государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: «За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!»... Наконец упал на землю. В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стелая. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный Князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!» – и скончался.

Нападение на великого князя Андрея Юрьевича заговорщиков Кучковичей. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Отпевание и погребение великого князя Андрея Боголюбского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного Государя, стоял над оным и плакал. Видя Ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовим его на снадение псам». Изверг! – сказал сей добродушный слуга: Государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова. Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный

гроб. Через шесть дней Владимирский Игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери.

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрдованный убиением Государя, везде грабил дома Посадников и Тиунов, Отроков и Мечников Княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так, что Духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: Игумены, Иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля Всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум вторым Соломоном, был, конечно, одним из мудрейших Князей Российских в рассуждении Политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное.

Великий Князь Всеволод Георгиевич. 1176–1212 гг.

Князь Всеволод Юрьевич (Георгиевич). Портрет из «Царского титулярника»

Михаил наследовал Великое Княжение Андреево; объехал разные области; везде учредил порядок; везде пекся о народном спокойствии. Осыпанный дарами Суздальцев и Ростовцев, награжденный за свой труд благословениями довольных граждан, он возвратился в Вла-

дмир, оставив Всеволода княжить в Переяславле Залесском. К несчастью, сей Государь властвовал только один год и скончался [20 Июня 1176 г.], оставив в летописях память своей храбрости и добродетели. Жив в веке суровом, мятежном, он не запятнал себя ни жестокостию, ни вероломством и любил спокойствие народа более власти.

Владимирцы еще не осушив слез о кончине Государя любимого, собрались пред Златыми вратами и присягнули его брату Всеволоду Георгиевичу, исполняя тем волю Долгорукого, который назначал область Суздальскую в Удел меньшим сыновьям. Но Бояре и Ростовцы не хотели Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали к себе Мстислава, его племянника, из Новгорода, и сей Князь, оставив там сына своего, уже находился в Ростове; собрал многочисленную дружину и шел ко Владимиру. Жители сего города пылали ревностию сразиться; но Всеволод, умеренный, благоразумный, предлагал мир. Но Вельможи Ростовские, надменные гордостью, сказали Мстиславу: «Мирися один, если тебе угодно, мы оружием управимся с чернию Владимирскою». Всеволод [27 Июня 1176 г.] ударил на неприятеля, рассеял его и с торжеством возвратился в столицу. Дружина Княжеская и Владимирцы вели связанных Вельмож Ростовских, виновников междоусобия; за ними гнали множество коней и скота, взятого в селах Боярских. Суздаль, Ростов покорились Всеволоду.

Возвращение великого князя Всеволода Юрьевича во Владимир после похода на Глеба Ростиславича Рязанского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Великий князь Всеволод освобождает из темницы сына Глебова Романа. 1177 г. Гравюра Б. Чорикова

Будучи в Коломне, Великий Князь сведал, что Глеб Рязанский, наняв Половцев, с другой стороны вступил в область Суздальскую, взял Боголюбов, ограбил там церковь, богато украшенную Андреем, жжет селения Боярские, плавает в крови беззащитных, отдает жен и детей в плен варварам. Таким образом, междоусобие Князей открыло путь сим иноплеменным хищникам и в северные земли России... [1177 г.] Всеволод сошелся с неприятелями; но те и другие стояли праздно целый месяц в ожидании мороза: река Колокша находилась между ими и не перепускала их; лед ее был слишком тонок. Раздраженный злодействами Глеба, Великий Князь отказался от мирных его предложений и, наконец – видя, что река замерзла – отправил на другую сторону обоз свой с частию войска. Мстислав первый напал на сей отряд и первый обратился в бегство: Глеб также, смятый полком Всеволода. Дружина Великого Князя гналась за малодушными и, пленив самого Глеба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояр, истребила Половцев. Граждане Владимирские, посвятив два дня на общую радость, хотели ознаменовать третий злобною местию: обступили дворец Княжеский и говорили Всеволоду: «Государь! Мы рады положить за тебя свои головы; но казни

злодеев, или ослепи, или выдай нам в руки». Изъявляя человеколюбие, Всеволод желал спасти несчастных и велел заключить их в темницу. Глеб имел заступников. Будучи ему зятем, Мстислав Храбрый, брат Романа Смоленского, убеждал Святослава Черниговского, как Всеволодова союзника, освободить пленников усердным ходатайством. Порфирий, Черниговский Епископ, ездил для того в Владимир. Глебу предложили свободу, с условием отказаться навсегда от Княжения и ехать в южную Россию. Он гордо отвечивал: «Лучше умру в неволе» – и действительно умер чрез несколько дней. Когда же Рязанцы, устрешенные бедствием их Князя, в угодность Всеволоду взяли под стражу Ярополка Ростиславича в Воронеже и привезли в город Владимир, тогда мятеж возобновился. Бояре, купцы пришли с оружием на двор Княжеский, разметали темницу и, к горести Великого Князя, ослепили его племянников, Ростиславичей. Чтобы оправдать себя Великодушием в глазах всей России, он выпустил из темницы Глебова сына, Романа. Несчастные слепцы были также освобождены, и на пути в южную Россию, к общему удивлению, прозрели в Смоленске, с усердием моляся в Смядынской церкви Св. Глеба.

Совет великого князя Всеволода Юрьевича с переяславцами; выступление Всеволода с полками против Мстислава Новгородского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

[1178–1180 гг.] Чудо разгласилось и благоприятствовало властолюбию сих Князей: Новгородцы призвали их как мужей богоугодных; оставили Мстислава начальствовать в столице, Ярополку дали Торжок, а бывшего Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волоком Ламским. Мстислав чрез несколько месяцев умер; Ярополк заступил его место, но скоро был изгнан народом, в угодность Великому Князю. Всеволод еще не был обезоружен: приступил к Торжку и требовал дани. Граждане обещались заплатить оную; но воины сели на коней и взяли город; зажгли его, пленили жителей. Всеволод с отборною дружиною спешил к Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашел там одного племянника своего, Ярослава; истребил огнем пустые дома, самый хлеб в окрестностях, и сею безрассудною жестокостию так озлобил Новгородцев, что они решились не иметь с ним никакого дружелюбного сношения, призвав к себе Романа Смоленского.

Роман властвовал там не долее многих своих предместников; по крайней мере, выехал добровольно и с честью. Тогда Новгородцы единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитого мужеством, что ему в целой России не было имени кроме Храб-

рого. Возведенный [1 Ноября 1179 г.] на престол в Софийской церкви, Мстислав дал слово ревностно блюсти честь, пользу Новгорода, и сдержал оное. Но сраженный внезапною болезнию, он увидел суету гордости человеческой и, жив Героем, хотел умереть Христианином: велел нести себя в церковь, причастился Святых Таин после Литургии и закрыл глаза навеки. Новгородцы погребли Мстислава в гробнице Владимира Ярославича, строителя Софийской церкви. Надлежало избрать преемника: в досаду Всеволоду Георгиевичу они призвали [17 Августа 1180 г.] к себе Княжить Владимира, сына Святослава, из Чернигова.

Сей юноша незадолго до того времени гостил у Всеволода и женился на его племяннице, дочери Михайловой. Святослав имел случай оказывать услуги Великому Князю, когда он жил в южной России, не имея Удела и не дерзая требовать оного от брата, Андрея Боголюбского. Между тем как Михаил и Всеволод с помощью Святослава искали престола Владимирского, супруги их оставались в Чернигове. Сия дружба не устояла против обоюдного властолюбия. Святослав, охотно пославший сына господствовать в Новгороде, мог предвидеть, что Всеволод тем оскорбится, считая сию область законным достоянием Мономахова рода. Новые неудовольствия ускорили явное начало вражды. Меньшие сыновья умершего Глеба Рязанского жаловались Всеволоду на старшего брата, Романа, Святослава зятя: говорили, что он, следуя внушению тестя, отнимает их Уделы и презирает Великого Князя. Всеволод, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за них, встреченный ими в Коломне, пленил там Святослава сына, Глеба; разбил передовой отряд Романов на берегах Оки, взял город Борисов, осадил Рязань и заключил мир. Роман и братья его признали Всеволода общим их покровителем, довольные Уделами, которые он назначил для каждого из них по верховной воле своей.

Взятие города Борисоглебска войсками великого князя Всеволода Юрьевича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Псковский кремль

Князь Черниговский, раздраженный пленением сына, хотел не только отмстить за то, но и присвоить себе, счастливым успехом оружия, лестное первенство между Князьями Российскими.

[1181 г.] В надежде управиться и с Ростиславичами и с Великим Князем Святослав, наняв множество Половцев, оставил часть войска с братом своим Ярославом в Чернигове, а сам с главною силою вступил в область Суздальскую, соединился с Новгородцами на устье Тверцы, опустошил берега Волги и шел к Переяславлю. За 40 верст от сего города стоял Всеволод с полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими. Неприятели видели друг друга и пускали чрез реку стрелы. Прошло более двух недель. Чтобы сделать тревогу в стане Черниговцев, Всеволод послал Князей Рязанских ударить на них сбоку. Внезапность нападения имела успех только мгновенный: брат Игоря Северского принудил Рязанцев бежать и взял у них немалое число пленников. Святослав не трогался с места. Весна наступила: боясь распутия, он решился оставить часть обоза и стан в добычу неприятелю, впрочем, не хотевшему за ним гнаться; сжег Дмитров, место Всеволодова рождения, и прибыл весновать в Новгород, где жители встретили его как победителя, называя именем Великого. Ярополк, прежде изгнанный ими в удовольствие Всеволоду, находился с Черниговским Князем: они вторично приняли его к себе и дали ему в Удел Торжок, чтобы охранять их восточные области.

Святослав, изведав воинскую осторожность Всеволода, уже не хотел возобновить неприятельских действий в Великом Княжении Суздальском: он велел брату, Ярославу, выступить из Чернигова и соединился с ним в областях Кривских, где Васильковичи, Всеслав Полоцкий и Брячислав Витебский, вместе с другими Князьями, объявили себя друзьями Святослава; каждый привел к нему свою дружину, а Всеслав Литву и Ливонцев. Ростиславичи и Киев были предметом сего ополчения. Святослав обратил в пепел внешние укрепления Друцка и, не теряя времени, шел к Киеву, сопровождаемый толпами Половцев. Сие-то гибельное обыкновение, в войнах междоусобных дружить с иноплеменными хищниками и призывать их для ужасных злодейств в недра Государства, всего более обеслывило Князей

Черниговских в нашей древней Истории и было одною из причин народной любви к Мономаховым потомкам, которые дотоле гнушались оным (если исключим Георгия Долгорукого) и, следуя наследственным правилам, отличались Великодушием. Так поступил и Рюрик. Не имея способов защитить Киев, он выехал в Белгород, умел внезапно разбить Половцев, предводимых Игорем Северским, и воспользовался робостию Святослава для заключения мира: признал его старейшим; отказался от Киева, удержав за собою все другие города Днепровские, и клялся искренно быть верным другом Черниговских Князей с условием, чтобы они, подобно ему, служили щитом для южной России и не давали варварам пленять Христиан.

[1182–1184 гг.] Внутреннее междоусобие прекратилось: начались войны внешние. В сие время Россия западная узнала новых врагов, опасных и жестоких. Народ Литовский, в течение ста пятидесяти лет подвластный ее Князьям, дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками. Непрестанные наши междоусобия и слабость каждого Удела дали способ Литовцам не только освободиться от зависимости, но и тревожить набегами области Российские. Трубя в длинные свои трубы, они садились на борзых лесных коней и, как лютые звери, стремились на добычу: жгли селения, пленяли жителей и, наступаемые отрядами воинскими, не хотели биться стеною: рассыпаясь во все стороны, пускали стрелы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Так сии грабители, несмотря на зимний холод, ужасно опустошили Псковскую область. Новгородцы, не успев защитить ее, винили в том своего Князя, Ярослава Владимировича, и на его место призвали к себе из Смоленска Давидова сына, Мстислава.

В России южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцев: Святослав Киевский, Рюрик с двумя племянниками, Владимир Переяславский (внук Долгорукого), Глеб Юрьевич Туровский (правнук Святополка-Михаила) с братом Ярославом Пинским, Всеволод и Мстислав, сыновья Ярослава Луцкого, Мстислав Всеволодович Городненский и дружина Галицкого. Они пять дней искали варваров за Днепром. Князь Владимир, начальник передового отряда, вступил в битву с Половцами, которые заранее объявили его и всех наших Воевод своими пленниками; но, уstraшенные одним грозным видом полку Владимира, бежали в степи. Россияне на берегах Угла, или Орели, взяли 7000 пленных (в том числе 417 Князьков), множество коней Азиатских и всякого оружия. Славный свирепостию Хан Половецкий, Кончак, был также разбит ими близ Хороля, несмотря на его самострельные, необыкновенной величины луки (едва натягиваемые пятьюдесятью воинами) и на искусство бывшего с ним бессерменина, или Харазского Турка, стрелявшего живым огнем, как сказано в летописи; вероятно, Греческим, а может быть, и порохом. Киевляне догнали сего хитреца в бегстве и представили Святославу со всеми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

Поход князя Игоря. Неизв. худ.

Бегство князя Игоря из плена половцев. 1185 г. Гравюра Б. Чорикова

После побоища князя Игоря Святославича с половцами. Худ. В. Васнецов

[1185 г.] Чрез несколько месяцев торжество Россиян обратилось в горечь. Князья Северские, Игорь Новгородский, брат его Всеволод Трубчевский и племянник их, не имев участия в победах Святослава, завидовали им и хотели еще важнейших; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговского так называемых Ковуев – единоплеменных, как вероятно, с Черными Клобуками – и пошли к Дону. Случившееся тогда затмение солнца казалось их Боярам предзнаменованием несчастным. «Друзья и братья! – сказал Игорь: – Тайны Божественные никому не ведомы, а нам не миновать своего рока». Он переправился за Донец. Всеволод, брат Игорев, шел из Курска иным путем: соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, к рекам Дону и Салу. Кочующие там варвары известили своих единоплеменников о сей новой грозе. Половцы ужаснулись и бесчисленными толпами двинулись от самых дальних берегов Дона навстречу смелым Князьям. В первой битве Россияне остались победителями, взяли стан неприятелей, их семейства; ликовали в завоеванных вежах. Разбитые Половцы соединились с новыми толпами, отрезали Россиян от воды и в ожидании еще большей помощи не хотели сразиться копьями, три дня действуя одними стрелами. Число варваров беспрестанно умножалось. Наконец войско наших Князей открыло себе путь к воде: там Половцы со всех сторон окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Почти никто не мог спастись: все легли на месте или с Князьями были отведены в неволю. В России узнали о сем бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника), от некоторых купцов, там бывших. «Скажите в Киеве (говорили им Половцы), что мы теперь можем обменяться пленниками». Князья, Вельможи, народ оплакивали несчастных; многие лишились братьев, отцов, ближних сродников. Святослав Киевский собрал Князей под Каневом, но распустил их, когда Половцы, боясь сего ополчения, удалились от границ России. Не хотел идти по следам Владетелей Северских, чтобы не иметь той же участи, Святослав был причиною новых бедствий: ибо варвары, успокоенные его робостию, снова явились, взяли несколько городов на берегах Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владимир Глебович встретил их под стенами и бился как Герой; кровь текла из ран его; дружина ослабевала. Видя опасность Князя любимого, все граждане вооружились и едва спасли Владимира, уязвленного тремя копьями. Половцы, взяв город Рим, или нынешний Ромен, опустошив множество сел близ Путивля и напомнив Россиянам бедственные времена Всеволода I или

Святополка-Михаила, ушли, обремененные пленниками, в свои вежи. Но к утешению Северян, Игорь Святославич возвратился. Он жил в неволе под надзиранием благосклонного к нему Хана Кончака; имел при себе слуг, Священника и мог забавляться ястребиною охотою. Убежденный советом верного своего Конюшего, Игорь воспользовался темнотою ночи и сном варваров, упоенных крепким кумысом; сел на коня и в 11 дней приехал благополучно в город Донец. Сын его Владимир, оставленный им в плену, женился там на дочери Хана Кончака и возвратился к отцу через два года вместе с дядею Всеволодом. Сия гибель дружины Северской, плен Князей и спасение Игоря описаны со многими обстоятельствами в особенной древней, исторической повести, украшенной цветами воображения и языком стихотворства.

Печать князя Ярослава Владимировича

Сей год [1187] достопамятен кончиною Ярослава Владимировича Галицкого и важными ее следствиями. Подобно отцу, господствуя от гор Карпатских по устья Серета и Прута, он имел истинные государственные добродетели, редкие в тогдашние времена: не искал завоеваний, но, довольствуясь своею немалою областью, пекся о благоденствии народа, о цветущем состоянии городов, земледелия, вооружался единственно на обидящих и посылал рать с Боярами, думая, что дела гражданские еще важнее воинских для Государя; нанимал полки иноплеменников и, спасая тем подданных от кровопролития, не жалел казны. В 1173 году он нанял у Поляков войско за 3000 гривен серебра: успехи торговли и мирной промышленности доставляли ему способ быть щедрым в таких случаях. Союзник Греческого Императора Мануила, покровитель изгнанного Андроника, Ярослав считался одним из знаменитейших Государей своего времени, хвалимый в летописях за мудрость и сильное, убедительное красноречие в советах, по коему Россияне прозвали его Осьмомыслом. Сей миролюбивый Князь не находил мира только в недрах семейства и не мог жить в согласии ни с супругою, ни с сыном: первая решилась навсегда с ним расстаться и (в 1181 году) скончалась Монахиною в Владимире Суздальском; а сын Ярославов, в третий раз изгнанный отцом, жил два года в Путивле у своего зятя, Игоря Северского, и хотя наконец, посредством Игорева старания, примирился с отцом, но, имея склонности развратные, непрестанно огорчал его. Тем более Ярослав любил меньшего, побочного сына, именем Олега, прижитого им с несчастною Анастасиею. Готовясь к смерти, Ярослав объявил своим наследником Олега: Владимира же наградил только Перемышлем, взяв с него и с Бояр клятву исполнить сие завещание. Но Бояре, едва предав земле тело Государя, изгнали Олега (ушедшего к Рюрику в Овруч) и возвели Владимира на престол.

Фридрих I Барбаросса. Миниатюра XII в.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имея отвращение от дел, пил день и ночь, презирал уставы Церкви и нравственности, женился вторым браком на Попадье; сверх того, удовлетворяя гнусному любострастию, бесчестил девиц и супруг Боярских. Негодование сделалось общим. В соседственной области Владимирской господствовал тогда Князь, известный

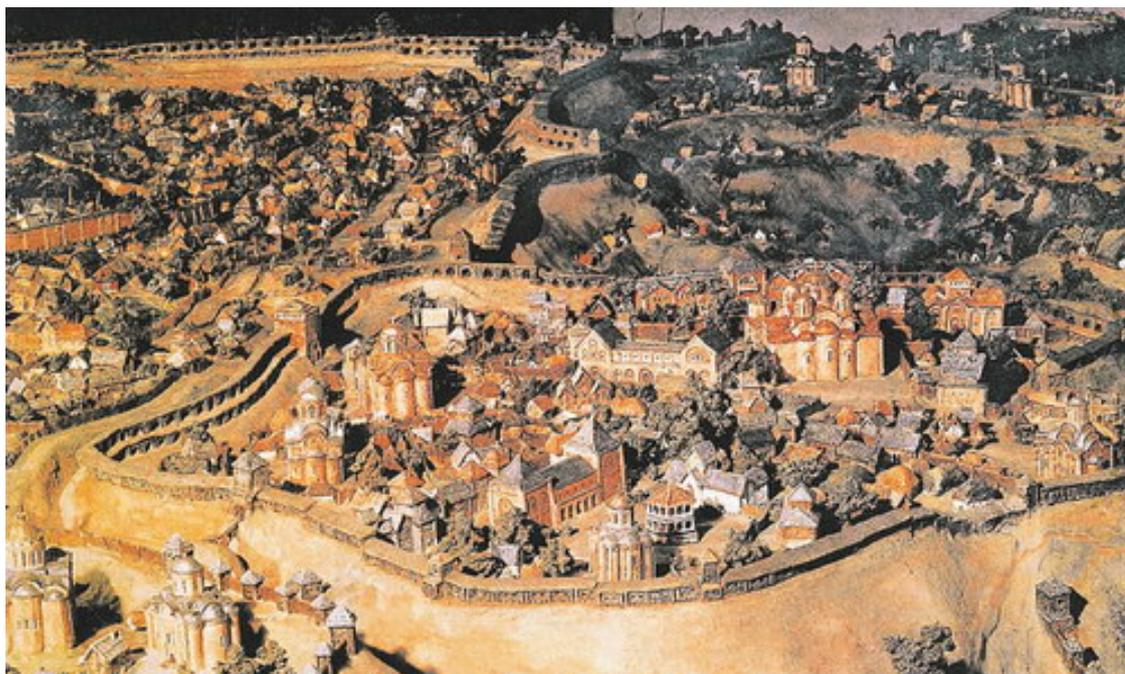
мужеством, умом, Роман Мстиславич. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, он, к несчастью, жертвовал властолюбием правилами добродетели и, будучи сватом Владимиру, веселился его распутством и народным озлоблением, ибо думал воспользоваться следствиями оною. Имея тайную связь с Галицкими Вельможами, Роман хотел открыть себе путь к тамошнему престолу и советовал им свергнуть Князя, столь порочного. Сии внушения не остались без действия. Волнение и шум в столице пробудили усыпленного негою Владимира. Двор Княжеский наполнился людьми; заговорщики послали сказать ему, чтобы он избрал супругу достойнейшую, выдал им Попадью для казни, правительствовал как должно или готовился к следствиям весьма несчастным. Их желание исполнилось: то есть уstraшенный Владимир бежал в Венгрию с женою, двумя сыновьями и наследственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить в Галиче.

Плоды лъстивых внушений и коварства оказались непрочными для сего властолюбивого Князя. Бела, Король Венгерский осыпал Владимира ласками, дружескими уверениями и немедленно выступил к Галичу со всеми силами, чтобы смирить мятежных подданных, как говорил он, и возвратить престол изгнаннику. Давно Короли Венгерские, быв и друзьями, и неприятелями Князей Галицких, завидовали их стране плодоносной, богатой также минералами и в особенности солью, которая издревле шла в южную Россию и в соседственные земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область к Венгрии. Еще Роман не утвердился на новом престоле; многие граждане и Вельможи ему не доброхотствовали. Сведая, что Венгры сходят с гор Карпатских, он успел только захватить казну и выехал из Галича. Король без сопротивления вошел в столицу. Уже Владимир, изъявляя благодарность добрым союзникам, думал, что они могут идти обратно; но вероломный Бела вдруг объявил своего сына, Андрея, Королем Галицким. Сего не довольно: Бела, отняв у Владимира и сокровища, и свободу, возвратился с ним в Венгрию как с пленником.

Владимир Галицкий, заключенный с женою и с детьми у Короля Венгерского, нашел способ уйти: изрезал шатер, поставленный для него в башне, свил из холста веревки, спустился по оным вниз и бежал к Немецкому Императору, Фридерiku Барбаруссе. Владимир вызвался ежегодно платить Фридерiku 2000 гривен серебра. буде его содействием отнимет Галич у Венгров. Император весьма ласково принял Владимира. Хотя, занятый тогда важным намерением ратоборствовать в Палестине с Героем Востока, Саладином, Фридерик не мог послать войска к берегам Днестра, однако ж дал Владимиру письмо к Казимиру Справедливому, которое имело счастливое для изгнанника действие: ибо сей Монарх Польский, завидуя Венграм в приобретении земли Галицкой и ведая, сколь их господство противно ее жителям, не отказался быть покровителем несчастного Князя, вероломно обманутого Белою; надеялся на Галичан и не обманулся. Быв недовольным правлением Владимировым, они еще гораздо более ненавидели Венгров; и когда услышали, что сей Князь с Воеводою Краковским идет к их границам: то все единодушно восстали, изгнали Андрея и встретили Владимира с радостию; а Беле остался стыд и титул Короля Галицкого, с 1190 года употребляемый в его грамотах. Еще не миновались опасности для Владимира: худо веря бескорыстию Поляков, боясь Венгров, Романа Волынского и собственного народа, он прибегнул к дяде, Великому Князю, не хотев дотолу искать в нем милости; смиренно винился, обещал исправиться. Сие покровительство, согласное с долгом родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взяв оно на себя, известил о том всех Князей Российских и Казимира: после чего Владимир мог безопасно господствовать до самой смерти.

Когда почти вся Россия наслаждалась тишиною, Смоленская и Новгородская область представляют нам ужасы мятежа и картину воинской деятельности. Давид Ростиславич, господствуя в Смоленске, не был любим народом. Смоляне хотели утвердить народную власть, но Давид был смел, решителен; не уступил гражданам и не жалел их крови; казнил многих и восстановил порядок.

Сын Давидов, Мстислав, года два княжил спокойно в Новгороде; вместе с отцом ходил воевать Полоцкую область и заключил мир с ее жителями, которые встретили их на границе с дарами. При сем же Князе Новгородцы, опустошив часть Финляндии, привели оттуда многих пленников. Но дух раздора не замедлил обнаружиться в республике: народ возненавидел некоторых знатных граждан, осудил на смерть, бросил с моста в Волхов. Юный Мстислав не предупредил зла. Вследствие того происшествия Новгородцы изгнали Мстислава, прибегнули опять ко Всеволоду и желали вторично иметь Князем свояка его, Ярослава Владимировича. Теснейшая связь с могущественным Государем Суздальским обещала им столь важные выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава и целые девять лет терпели его как в счастливых, так и в неблагоприятных обстоятельствах.

Киев рубежа XII–XIII вв. Реконструкция

[1194–1195 гг.] Всеволод Суздальский и Святослав Киевский держали равновесие Государства: Новгород, Рязань, Муром, Смоленск, некоторые области Волынские и Днепровские, подвластные Рюрику, признавали Всеволода своим главою: Ольговичи и Владетели Кривские повиновались Святославу, который, несмотря на то, чувствовал превосходство сил на стороне Великого Князя и не дерзал явно ему противоборствовать. Так, имея ссору о границах с Князьями Рязанскими и готовый вместе с другими Ольговичами объявить им войну, он не мог начать ее без дозволения Всеволодова: требовал одного, не получил и должен был мирно возвратиться из Карачева. На сем пути Святослав занемог: велел постричь себя в Монахи и преставился... Непостоянный от юности, некогда друг и предатель Мстиславичей, Мономаховых внуков; то враг, то союзник Долгорукого и дядей своих, Черниговских Владетелей; жертвуя истинными государственными добродетелями, справедливостию, честью, выгодам Политики личной; бессовестный в отношении и к своим единокровным, сей Князь имел однако ж достоинства: ум необыкновенный, целомудрие, трезвость, всю наружность усердного Христианина и щедрость к бедным. Имя Государя Киевского, напоминая знаменитость древних Князей Великих, доставляло ему уважение от Монархов соседственных. Бела Венгерский искал его дружбы; сильный Казимир также.

Любимый вообще за свою приветливость, Рюрик был встречен народом и Митрополитом со крестами; а Великий Князь прислал Бояр возвести его на трон Киевский, желая тем ознаменовать зависимость одного от Государей Суздальских, хотя Рюрик, подобно Святославу, также назывался Великим Князем и самовластно располагал городами Днепровскими.

Признав Всеволода старшим и главою Князей, Рюрик имел в нем надежного покровителя; однако ж искал еще другой опоры и, будучи тестем Романа Мстиславича Волынского, отдал ему пять городов Киевских: Торческ, Канев, Триполь, Корсунь и Богуслав. Всеволод оскорбился. Желая умиловить Всеволода, сват его предлагал ему особенный Удел в Киевской области; но Великий Князь требовал для себя городов, отданных Мстиславичу. В сомнении и нерешимости Рюрик призвал на совет Никифора Митрополита. «Мы поставлены от Бога мирить Государей в земле Русской, – отвечал Митрополит: – всего ужаснее кровопролитие. Исполни волю старейшего Князя. Если Мстиславич назовет тебя клятвопреступником, то я беру грех на себя; а ты можешь удовольствоваться зятя иными городами». Сам Роман изъявил согласие взять другую область или деньги в замену Удела, и распря прекратилась...

Великий Князь, Рюрик и брат его, Давид Смоленский, требовали от Черниговского и всех Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за детей своих никогда не искать ни Киева, ни Смоленска и довольствовались левым берегом Днепра, отданным их прадеду, Святославу. Ольговичи не хотели того. Всеволод грозил им: они на все согласились.

[1196 г.] Ольговичи имели союзников в Князях Полоцких: те и другие считали себя угнетенными и старейшими Мономаховых наследников. Они нашли друга и между последними: мужественного Романа Волынского, который искал всех способов возвыситься. Обязанный благодеяниями тестя, он забыл их: помнил только, что Рюрик взял у него назад города Днепровские. Отдохнув после несчастной битвы с Мечиславом Старым, Роман снова предложил союз Ольговичам и послал рать свою воевать область Смоленскую и Киевскую. Сие нечаянное нападение уменьшило на время затруднение Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бедствиям опустошения: с одной стороны Ростислав, сын Рюриков, а с другой племянник его, Мстислав, сын Мстислава Храброго, вместе с Владимиром Галицким пленили множество людей в окрестностях Каменца и Перемиля. Сам Рюрик остался в Киеве: ибо узнал, что Всеволод наконец решительно действует против Ольговичей, соединился с Давидом, с Князьями Рязанскими, Муромскими, с Половцами, – завоевал область Вятичей и думает вступить в Черниговскую. Ярослав изготовился к сильному отпору: укрепил города, нанял степных Половцев, оставил в Чернигове двух Святославичей и расположился станом близ темных лесов, сделав вокруг засеки, подрубив все мосты. Впрочем, ему легче было поссорить врагов своих хитростию, нежели силою одолеть их.

Пятницкая церковь в Чернигове. Кон. XII – нач. XIII в.

Изъявляя вместе и миролюбие, и неустрашимость, Ярослав послал сказать Всеволоду: «Любезный брат! Ты взял нашу отчину и достояние. Желает ли загладить насиле дружбою? Мы любви не убегаем и готовы заключить мир согласно с твоею верховною волею. Желает ли битвы? Не убегаем и того. Бог и Святой Спас рассудят нас в поле». Всеволод хотел знать мнение Князей Смоленского, Рязанских и Бояр. Давид противился миру, говоря: «Ты дал слово моему брату соединиться с ним под Черниговом и там или разрушить власть коварных Ольговичей, или заключить мир общий; а теперь думаешь один вступить в переговоры? Рюрик не будет доволен тобою. Ты велел ему начать войну; для тебя он предал огню и мечу свою область. Можешь ли без него мириться?» То же говорили и Князья Рязанские; но Всеволод велел сказать Ольговичам, что соглашается забыть их вину, если

они возвратят свободу Мстиславу Романовичу, откажутся от союза с Романом Волынским и выгонят мятежного Ярополка, сего славного чудесным прозрением слепца, который жил в Чернигове. Ярослав не принял только одного условия, касательно Романа Волынского, желая быть и впредь его другом. Согласились во всем прочем и с обыкновенными священными обрядами утвердили мир, к великому огорчению Рюрика. Следуя внушению досады, Рюрик отнял у Всеволода города Киевские и, тем оскорбив его, приготовил для себя важные несчастья. Всеволод без сомнения поступил в сем случае несправедливо. Имея тайные намерения, он не хотел совершенного падения Черниговских Князей, чтобы не усилить тем Киевского и Смоленского. Равновесие их сил казалось ему до времени согласнее с его пользою.

Церковь Спаса на Нередице в Новгороде

[1196–1201 гг.] Чего Андрей желал напрасно, то сделал хитрый Всеволод: он на несколько лет совершенно подчинил себе мятежную первобытную столицу наших Князей. Во время раздора его с Ольговичами, повинувшись ему, лучшие Новгородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили с Ярославом в Великие Луки, чтобы удерживать Кривских Владетелей и препятствовать их соединению с Черниговцами. Ярослав Владимирович уже имел тогда многих неприятелей в Новгороде. Новгородцы изгнали Ярослава. Народ хотел доказать свою независимость, и сын Князя Черниговского, избранный большинством голосов, приехал в Новгород, не господствовать, но быть игралищем своевольных. Между тем Ярослав, с согласия жителей, остался в Торжке; брал дань в окрестностях Мсты и за Волоком. Новгородцев везде ловили как неприятелей, толпами приводили в Владимир. Действуя осторожнее Андрея, Всеволод не думал осаждать их столицы: мешал им только купечествовать в России и собирать налоги в Двинской земле, зная, что любостяжание скоро одержит верх над упрямством людей торговых. В самом деле, чрез шесть месяцев сын Князя Черниговского должен был ехать назад к отцу: Сотники Новгородские явились во дворце у Всеволода, извинялись, молили, обещали, и Ярослав к ним возвратился, провождаемый множеством их освобожденных сограждан. Народ торжествовал прибытие сего Князя как отца и благодетеля. Тишина восстановилась: Князь властвовал благоразумно, судил справедливо, взял нужные меры для защиты границ и смирил Половчан, дерзнувших вместе с Литвою злодействовать вокруг Великих Лук. Но Всеволод, недовольный свояком, призвал его к себе. Архиепископ Мартирий и чиновники должны были ехать в Владимир и требовать Всеволодова сына на престол Новгородский. Всеволод изъясил притворную нерешимость; хотел еще советоваться с дружиною и как бы из снисхождения дал Новгородцам сына, именем Святослава-Гавриила, еще младенца, предписав им условия, согласные с честью Княжескою. Вероятно, что Великий Князь окружил юного Святослава опытными Боярами и чрез них управлял областью Новгородскою, так же, как и южным Переяславлем, где другой, десятилетний сын Всеволодов, Ярослав-Феодор, властвовал по кончине своего двоюродного брата, Ярослава Мстиславича.

В сие время Роман Волынский обратил на себя общее внимание приобретением сильной области и тиранством удивительным. Знаменитый род Володаря Галицкого пресекался: сын Ярославов, Владимир, освободив наследственную область свою от ига Венгров, чрез несколько лет умер и не оставил детей. Вся южная Россия пришла в движение: каждый Князь хотел овладеть землею богатою, торговою, многолюдною. Но Роман Мстиславич, воспитанный при дворе Казимира Справедливого, связанный ближним родством с его юными сыновьями, прибегнул к Ляхам и с их помощью вступил в страну Галицкую.

[1202 г.] Рюрик, Ольговичи, быв дотоле в дружбе с Романом, хотели отнять у него державу Галицкую, снисканную им помощью иноплеменников, и соединились в Киеве, чтобы идти к Днестру. Но деятельный Мстиславич не терял времени: они еще не вышли в поле, когда знамена Романовы уже развевались на берегах Днепра. Сей хитрый Князь, имев время снестися с могущественным Всеволодом, с Черными Клобуками, с Наместниками многих южных городов, удостоверился в их доброжелательстве. Жители встречали его как победителя, и самые Киевляне без малейшего сопротивления отворили Копыревские ворота Подола. Рюрик, Ольговичи трепетали за каменною стеною в верхней части города; с радостью приняли мир и выехали из Киева: Рюрик в Овруч, Черниговские в их наследственную область. По условию, сделанному с Великим Князем, отдав Киев двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Роман спешил защитить Греческую Империю. Половцы опустошали Фракию: Алексей Комнин III и Митрополит Российский молили его быть спасителем Христиан единоверных. Мужественный Роман вступил в землю Половецкую, завоевал многие вежи, освободил там пленных Россиян, отвлек варваров от Константинополя и, принудив оставить Фракию, с торжеством возвратился в Галич.

[1204 г.] Страшный Князь Галицкий ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрик не дерзнут нарушить мира. Не жалея казны своей, не жалея отечества, они наняли множество Половцев и взяли приступом Киев [1 января]. Варвары опустошили дома, храм Десятинный, Софийский, монастыри. Город пылал; невольников гнали толпами. В церквах не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы с окладом.

Рюрик и Черниговские Владетели, довольные злодеянием, вышли из Киева. Роман пришел с войском к Овручу и предложил тестю мир, убеждая его отказаться от союза Ольговичей; склонил даже и Всеволода Георгиевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Киев. Такое удивительное великодушие было одною хитростию: Князь Галицкий желал только отвлечь легковерного тестя от Черниговских Владетелей; примирил их со Всеволодом и в доказательство своей мнимой дружбы к Рюрику ходил с ним на Половцев; взял немало пленников, скота – и вдруг, будучи в Триполе, велел дружине схватить сего несчастного Князя, отвезти в Киев, заключить в монастырь. Рюрик, жена его и дочь, супруга Романа, в одно время были пострижены; а сын его, зять Всеволодов, отведен пленником в Галич, вместе с меньшим братом. Наказав тестя, Роман возвратился в свою область, и хотя отпустил Рюриковых сыновей, но бедный отец остался Монахом.

Встреча полков князя Всеволода Юрьевича с половецким отрядом во время похода на Волжскую Булгарию. Миниатюра из Радзивилловской летописи

[1205 г.] Сей Князь умный скоро погиб от неосторожности: снова объявив войну Ляхам, стоял на Висле; с малою дружиною отъехал от войска, встретил неприятелей и пал в неравной битве. Галичане нашли его уже мертвого. Роман, называемый в Волынской летописи Великим и Самодержцем всея Руси, надолго оставил память блестящих воинских дел своих, известных от Константинополя до Рима. Жестокий для Галичан, он был любим, по крайней мере, отлично уважаем, в наследственном Уделе Владимирском, где народ славил в нем ум мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову в усмирении варваров. Даниил и Василько, сыновья Романовы, второго брака, остались еще младенцами под надзиранием матери: Галичане присягнули в верности Даниилу, имевшему не более четырех лет от рождения.

Постриженный Рюрик, услышав о смерти зятя и врага, скинул одежду Инока и сел на престоле в Киеве. Он возобновил союз с Князьями Черниговскими и спешил к Галичу в надежде, что младенец Даниил не в состоянии ему противиться. Но мать Даниилова взяла меры. Андрей, Государь Венгерский, все еще именовался Королем Галиции, не спорил об ней с мужественным Романом и даже был его названным братом. Сильная дружина Венгерская окружила Дворец Княжеский, заняла крепости; повелевая именем малолетнего Даниила, грозила казнию внутренним изменникам и распорядила защиту от неприятелей внешних, так что Рюрик, вступив в Галицкую землю, встретил войско благоустроенное, не мог взять ни одного укрепленного места и возвратился с великим стыдом.

Между тем Всеволод Георгиевич спокойно господствовал на Севере: отряды его войска тревожили Болгаров, Князья Рязанские отражали Донских хищников, а Новгородцы Литву. Новая ссора Россиян с Варягами не имела никакого следствия: последние должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать в наших северо-западных областях. Но Всеволод, будто бы желая защитить Новгород от внешних опасных неприятелей, велел объявить тамошним чиновникам, что он дает им старшего сына своего, Константина, ибо отрок Святослав еще не в силах быть их покровителем.

Рязань в нач. XIII в. Реконструкция

Всеволод не имел войны с Черниговскими Князьями, однако ж не позволял друзьям своим искать их союза. Несмотря на то, сват его, Мстислав Смоленский, вступил с ними в тесную связь, и хотя, боясь утратить приязнь Великого Князя, посылал к нему Епископа Смоленского, Игнатия, с дружескими уверениями, но не хотел отстать от Князей Черниговских. Главою их, по смерти Игоря и старшего брата, Олега, был тогда Всеволод Чермный, сын Святослава, подобный отцу в кознях, гордый, властолюбивый: наняв толпы Половцев, соединясь с Рюриком, Мстиславом Смоленским и с Берендеями, он вторично предпринял завоевать Галицкую область и для вернейшего успеха призвал Ляхов. Уведомленный о том Король Венгерский Андрей спешил защитить юных сыновей Романовых; но Даниил и Василько не дождались прибытия Андреева. Вдовствующая Княгиня бежала с детьми в наследственный Удел ее супруга, Владимир Волынский. Андрей не дал соединиться Полякам с Ольговичами: стал между ими близ Владимира и вступил с первыми в мирные переговоры, коих следствием было то, что Венгры, Ляхи, Россияне вышли из Галича; а жители, с согласия Андреева, послали в Переяславль за сыном Великого Князя, юным Ярославом, желая, чтобы он в их земле господствовал. Но Черниговские Князья имели в Галиче добрых, в особенности Владислава, знатного Вельможу, бывшего изгнанником в Романово

время. Он вместе с другими единомышленниками представлял согражданам, что Ярослав слишком молод, а Великий Князь слишком удален от их земли; что Ольговичи без сомнения не оставят Галицкой области в покое и что лучше добровольно поддаться одному из них. Галичане, тайно отправив Послов в стан Российский, предложили Владимиру Игоревичу Северскому быть их Государем. Обрадованный Владимир прискакал в Галич тремя днями ранее Ярослава, который должен был с досадою ехать назад в Переяславль.

Владимир Игоревич велел объявить гражданам Владимирским, чтобы они выдали ему младенцев, Даниила и Василька, приняли к себе княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видеть разрушение их столицы. Усердный народ хотел убить сего Посла; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичан, измены собственных Вельмож и легкомыслия народного, по совету Мирослава, пестуна Даниилова, решила удалиться; бежала из дворца, взяв с собою одних милых сыновей. Мирослав вел Даниила, Священник Юрий и кормилица несли Василька на руках; видя городские ворота уже запертые, они пролезли сквозь отверстие стены, шли во мраке, не зная куда; наконец достигли границ Польских и Кракова. Там Лешко Белый, умиленный несчастьем сего знаменитого семейства, осыпал ласками Княгиню и послал Даниила в Венгрию с Вельможею Вячеславом Лысым. Андрей также принял сего младенца со всеми знаками искренней любви, но более ничего не сделал, охлажденный, может быть, в своем великодушном покровительстве дарами Владимира Игоревича. Сей бывший Князь Удела Северского едва верил своему величию, опасному и ненадежному. Заняв всю область Владимирскую, он уступил ее Святославу Игоревичу, а Звенигород другому брату, именем Роману.

Хитрый Всеволод Чермный, имев надежду сам господствовать на плодоносных берегах Днестра и Сана, без сомнения завидовал Игоревичам; однако ж скрыл неудовольствие, остался им другом и хотел иначе удовлетворить своему властолюбию. Все способы казались ему позволенными: быв союзником Рюрика и Мстислава, он стал их врагом; вооруженною рукою занял Киев и разослал своих наместников по всей области Днепровской.

Всеволод Георгиевич наконец вооружился. «Южная Россия есть также мое отечество», – сказал он и выступил к Москве, где ожидал его Константин с войском Новгородским. На берегу Оки соединились с ним Князья Муромские и Рязанские. Все думали, что целию сего ополчения будет Киев: случилось, чего никто не ожидал. Великому Князю донесли, что Рязанские Владетели суть изменники и тайно держат сторону Черниговских: он поверил и решился наказать их строго. Не предвидя своего бедствия, они собрались [22 Сентября 1207 г.] в ставке у Всеволода, чтобы веселиться за Княжеским столом его. Всеволод, в знак дружбы обняв несчастных, удалился: тогда Боярин его и Давид Муромский явились уличать действительных или мнимых изменников, которые тщетно клялись в своей невинности: двое из Князей же Рязанских, Олег и Глеб Владимировичи, пристали к обвинителям, или клеветникам, и Всеволод осудил Романа Глебовича, Святослава (брата его) с двумя сыновьями и племянниками (детьми Игоря), также некоторых Бояр; велел отвезти их в Владимир и вступил с войском в область Рязанскую. Жители Пронска отвергнули мирные его предложения. Юный Князь их, Михаил, бежал к тестю, Всеволоду Чермному: но гражданам, призвав к себе другого Князя Рязанского, Изяслава Владимировича, брата Олегова и Глебова, оборонялись мужественно. Кровь лилася ежедневно в течение трех недель. Остервенение граждан уступило наконец крайности, ибо многие люди умирали от жажды. Пронск сдался: Всеволод наградил им Олега Владимировича; взял множество добычи и пленил жену Михаилову. Не имея надежды с успехом противиться Всеволоду, народ Рязанский прислал к нему остальных Князей своих, с их детьми и женами, в Владимир.

Поручив область Рязанскую Наместникам и Тиунам, Всеволод скоро отправил туда княжить сына своего, Ярослав-Феодора. Народ повиновался ему неохотно, жалея о собственных Князях, заключенных в Владимире. Всеволод пришел с войском к Рязани. Яро-

слав выехал к нему навстречу вместе с Послами, которые именем народа предложили свои оправдания или требования, но столь нескромно, что Великий Князь, разгневанный, явил пример излишней строгости: велел жителям выйти с детьми из города и зажечь его. Напрасно хотели они молением смягчить грозного судию: сия столица Удела знаменитого обратилась в кучу пепла, и бедные граждане были расселены по отдаленным местам Суздальского Княжения. Ту же участь имел и Белгород Рязанский. Князь Изяслав Владимирович, который спасся от неволи, и Михаил, зять Чермного, мстили Всеволоду опустошением Московских окрестностей; но сын Великого Князя, Георгий [Юрий], разбил их наголову.

[1209 г.] В сие время дерзнул Владетель ничтожного Удела объявить себя врагом Государя, страшного для иных, сильнейших Князей. Мстислав, старший сын Мстислава Храброго, племянник Рюрика, зная, сколь память отца его любезна Новгороду; зная, что многие чиновники и самый народ не любят там опеки Всеволодовой, он смело предпринял воспользоваться их тайным расположением; вступил с дружиною в Торжок, пленил дворян Святославовых, взял их имение. Посол Мстиславов явился в Новгороде и сказал народу следующие слова от имени Князя: «Я сведал, что Князья угнетают вас и что насилие их заступило место прежней вольности. Новгород есть моя отчина: я пришел восстановить древние права любезного мне народа». Сия речь пленила Новгородцев: они единогласно объявили его своим Князем и заключили Святослава с Боярами Владимирскими в доме Архиерейском. Мстислав, встреченный с громкими восклицаниями радости, немедленно собрал войско, желая предупредить Великого Князя; но сей Государь не хотел битвы; предложил мир, назваля отцом Мстислава и, довольный освобождением сына, отпустил всех купцов Новгородских, задержанных в Суздальской области.

Великий князь Всеволод назначает наследником второго сына своего Георгия. 1212 г.
Гравюра Б. Чорикова

Всеволод, призвав к себе Константина из Новагорода, назначил ему в Удел Ростов с пятью городами; назвал его преемником Великокняжеского достоинства с тем, чтобы он уступил Ростовскую область брату Георгию. Константин не хотел выехать из своего Удела, желая наследовать целое Великое Княжение Суздальское. Раздраженный неповиновением, отец созвал Бояр из всех городов, Епископа Иоанна, Игуменов, Священников, купцов, Дворян и в их многочисленном собрании объявил, что наследником его должен быть второй сын Георгий. Константина любили, уважали; но безмолвствовали пред священной властью отца: сын послушный казался преступником, и все, исполняя волю Великого Князя, присягнули избранному наследнику. Константин оскорбился.

Всеволод Георгиевич, княжив 37 лет, спокойно и тихо преставился на пятьдесят восьмом году жизни [15 Апреля 1212 г.].

Георгий, Князь Владимирский. Константин Ростовский. 1212–1219 гг.

Совершив погребение отца, Георгий возвратил свободу Князьям Рязанским, всем их подданным. Великое Княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Георгий господствовал в Владимире и Суздале, Константин в Ростове и Ярославле; оба желали единовластия.

Рюрик скончался. Всеволод Чермный, желая один начальствовать в южной России и не боясь уже никого по смерти Великого Князя, изгнал сыновей и племянников Рюриковых из Уделов Киевской области. Изгнанники, удалясь в область Смоленскую, требовали защиты от Мстислава Новгородского. Сей мужественный Князь был тогда стражем северо-западной России: с одной стороны тревожили оную Литовцы, с другой – властолюбие Немцев угрожало ей великими опасностями. Господствуя в южной Ливонии, Рыцари желали покорить и северную, вместе с Эстонию: узнав, что отряды их грабят тамошних жителей, Мстислав Новгородский собрал 15 000 воинов; вместе с Князем Псковским и Давидом Торопецким, братом своим, выступил в поле. Не встретив нигде Немцев, он требовал дани с Чуди.

Мстислав спешил от берегов Балтийского моря к Днепру; прибыв в Новгород, собрал Вече на Дворе Ярослава и предложил народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава и единодушно ответствовали: «Князь! Куда обратишь свои очи, там будут наши головы!». Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися в плен. Всеволод Святославич бежал из Киева, заключился в Чернигове и умер; а брат его, Глеб, видя опустошение земли своей, покорностию и дарами купил мир. Победители отдали Киев Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступил его Князю Смоленскому.

[1215 г.] Храбрый Мстислав, учредив порядок в завоеванной Днепровской области, возвратился в Новгород, но скоро объявил жителям на Вече, что дела отзывают его в южную Россию; что он будет всегда защитником Новгородцев, однако ж дает им волю избрать себе иного Князя. Народ сожалел об нем; наконец отправил Посадника, Тысячского и десять старейших купцов звать Феодора Всеволодовича, Мстиславова зятя. Ярослав-Феодор начал свое правление строгостию и наказаниями, сослав в Тверь некоторых окованных цепями чиновников, велел разграбить двор Тысячского, взяв под стражу сына и жену его. Возбужденный самим Князем к действиям своевольным, народ искал жертв, умертвил двух знаменитых граждан; а Князь с досады на сих мятежников уехал в Торжок. Между тем в окрестностях Новгорода сделался неурожай: Ярослав захватил весь хлеб в изобильных местах и не пустил ни воза в столицу. [11 Февраля 1216 г.] В то время явился утешитель: Мстислав великодушный. Сей Князь говорил, что он помнит свое обещание быть всегда их другом; что освободит невинных граждан, заключенных в Торжке, восстановит благоденствие Новгорода.

Рыцарь Тевтонского ордена. 1-я пол. XIII в.

Новгородское вече. Худ. А. Васнецов

Князь Новгородский взял свои меры как искусный Военачальник и Политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский. Послы Новгородские говорили Георгию, что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжек с Волоком Ламским. Но Георгий отвечив, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений. Послы с горестию удалились, и Князь Владимирский, пируя в шатре с Вельможами, желал знать их мнение. Отпустив воевод, Георгий с меньшими братьями заперся в шатре и вздумал уже делить всю Россию: назначил Ростов для себя, Новгород для Ярослава, Смоленск для третьего брата, а Киев для Ольговичей, оставляя Галич на свое дальнейшее распоряжение. Написав договорную грамоту, сии Князья послали сказать неприятелям, что желают биться с ними на обширном Липецком поле. Летописцы живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие Новгородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина. Новгородцы, Смоляне дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина; но скоро обратился в бегство за Ярославом.

[1217–1218 гг.] Достигнув цели своей, Константин захотел утешить изгнанного Георгия, призвал его к себе, объявил наследником Великого Княжения и дал ему Суздаль. С искреннею дружбою обняв брата, Георгий клялся забыть прошедшее. Константин чувствовал слабость здоровья своего и желал оставить юным сыновьям второго отца в их старшем дяде.

Мстислав, Герой сего времени, совершив одно дело и ревнуя ознаменовать свое мужество новым, еще важнейшим подвигом, удалился в южную Россию.

Мы оставили юного Даниила на престоле Галицком с одним именем Князя: Бояре всем управляли и, находя вдовствующую супругу Романову опасною для их своевольтва, принудили ее выехать в Бельз. Оскорбленный сею дерзостью Бояр, Андрей, Король Венгерский, пришел сам с войском, смирил мятежников и виновнейшего из них, Владислава, оковал цепями. Но скоро бедствия Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстислав Немой заставил Даниила бежать в Венгрию; а Лешко Белый отнял у Василька Бельз для своего тестя, Александра Владимирского. Уже Андрей вторично шел защитить Даниила; уже Мстислав Немой, слабый, хотя и властолюбивый, бежал от страха, когда ужасный бунт открылся в самой Венгрии. В сих обстоятельствах он мог думать единственно о собственной безопасности: чем Боярин Галицкий, Владислав (тогда освобожденный), умел воспользоваться, представляя ему, как вероятно, что отрок Даниил, не в состоянии мирно управлять Княжением, или, возмужав, не захочет быть данником Венгрии; что Андрей поступит весьма благоразумно, ежели даст Наместника Галиции, не природного Князя и не иноплеменника, но достойнейшего из тамошних Бояр, обязав его в верности клятвою и еще важнейшими узам столь великого благодеяния. Желание Владислава исполнилось: предпочтенный другим Боярам, он с дружиною Венгерскою приехал господствовать в свое отечество, назвался Князем; а Даниил и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились к Лешку Белому. Видя с завистию, что богатая Галиция сделалась почти областью Венгрии, сей Государь усердно взял Даниилову сторону, одержал верх в битве с Владиславом и хотя не мог завоевать Галича, однако ж услужил сыновьям Романовым, принудив своего тестя, Александра, уступить им Тихомль и Перемиль. Там могли они несколько времени жить спокойно вместе с родительницею. К несчастью Венгров, Андрей поссорился с герцогом Лешком, отнял у него Перемышль с Любачевом и возбудил в нем столь великую злобу, что он, вопреки узам крови, искал в России сильных неприятелей зятю. Таковым представился ему Мстислав Новгородский. «Ты мне брат, – писал Лешко к сему храброму Князю: – иди прославиться знаменитым подвигом мужества: Галич, достояние твоих предков, стонет под игом утеснителей». Мстислав, подобно отцу готовый всегда на дела великие, не отказался от предложения, столь лестного для его славолубия.

Добросердечие великого князя Константина. 1217 г. Гравюра Б. Чорикова

[1218 г.] Великий Князь Константин незадолго до кончины своей послал старшего сына, именем Василька, княжить в Ростов, а другого, Всеволода, в Ярославль, приказав им жить согласно, быть во нравах подобными ему, благотворить сиротам, вдовицам, Духовенству и чтить Георгия как второго отца.

Великий Князь Георгий [Юрий] Всеволодович. 1219–1238 гг.

Вероятно, что Камские Болгары издревле торговали с Чудским народом, обитавшим в Вологодской и Архангельской губернии: с неудовольствием видя новое господство Россиян в сих мирных странах, они хотели также быть завоевателями и – более обманом, нежели силою – взяли Устюг. Жители зависели от великого Князя Георгия и в особенности от Ростовского. Чтобы утвердиться в сем городе, Болгары в то же время старались овладеть берегами Унжи; но были отражены и скоро увидели войско Россиян в собственной земле своей. Брат Георгиев, Святослав, с сыновьями Муромских Князей и с сильным ополчением приплыл туда Волгою, вышел на берег ниже устья Камы и приблизился к городу Ошелу. Одни подсекли тын, другие зажгли оплоты; но сильный ветер дул им прямо в лицо: задыхаясь от густого дыма, воины Святославовы, приступили с другой стороны и зажгли город по ветру. Отчаянные жители с воплем бежали из города и не могли уйти от меча Россиян; только Князь Болгарский и некоторые его всадники спаслись бегством. Святослав, видя там наконец одни кучи дымящегося пепла, удалился, провождаемый толпами пленников, большею частию жен и младенцев. Зимой явились во Владимир послы Болгарские, требуя мира; но Георгий отвергнул их предложение и готовился к новому походу. Испытав многократно превосходную силу Россиян, Болгары наконец, посредством богатых даров, обезоружили Великого Князя. Послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир клятвою по Закону Магометанскому. Георгий, будучи тогда сам на берегах Волги, выбрал место и чрез несколько месяцев [в 1221 г.] заложил Нижний Новгород, где скоро поселилось множество людей, привлеченных выгодами торговли и судоходства.

Вооружение болгар

Но важнейшим успехом Российского оружия было тогда освобождение Галича от ига чужеземцев. Бывший Князь Новгородский, Мстислав, занимаясь в Киеве ратными приготовлениями, умел скрыть цель оных. Вельможи Андреевы, именем Коломана господствовавшие на берегах Днестра, не взяли никаких мер для обороны и бежали в Венгрию, как скоро Мстислав приблизился. Тамошние граждане желали снова повиноваться Даниилу: вопреки им, Мстислав сел на троне Галицком, но в угождение народу выдал дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотел быть ему отцом; старался также сохранить любовь Герцога Поль-

ского и не мешал ему владеть частью западной России. Напрасно Даниил жаловался тестю на хищность Герцога. Но когда неуступчивый Даниил, выехав в поле с собственною дружиною, отнял у Ляхов все области Российские: тогда оскорбленный Герцог, считая Мстислава тайным наставником юного зятя, обвиняя того и другого, в вероломстве, возобновил союз с Андреем Венгерским. Неприятели осадили Даниила: хотя сей юноша смелыми, счастливыми вылазками делал им много вреда, однако ж, должен был наконец выйти из города, и за Днестром соединился с Мстиславом, который, обняв его как витязя достойного, в знак особенной дружбы подарил ему любимого своего коня и сказал: «Храбрый Князь! Теперь иди в Владимир: я пойду за Половцами. Мы отмстим врагам, и стыд наш падет на них».

Булгары посредством богатых даров склоняют великого князя Георгия к миру. Гравюра Б. Чорикова

Сей Князь осадил Галич. Боясь измены граждан, Венгры и Ляхи выгнали их из крепости, чтобы обороняться до последней возможности; но Россияне, ночью сделав подкоп, вошли в город.

Андрей, Король Венгерский, был в отчаянии и немедленно отправил Вельможу своего, сказать Мстиславу, чтобы он прислал к нему сына и всех пленников, или скоро увидит

в России многочисленное победоносное войско Венгров. Мстислав не испугался угрозы, но хладнокровно отвечив, что он ждет Короля, надеясь с Божию помощью смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда в силах походом Иерусалимским, не имел желанья воевать. Согласились, чтобы меньший сын Андреев, именем также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей в приданое отец назначил спорную Галицию. Брак отложили за малолетством жениха и невесты, с обеих сторон утвердив договор клятвами.

[1221–1222 гг.] Великий же Князь Георгий занимался единственно внутренним правлением собственной земли и внешнею безопасностью Новгородцев, послав к ним осьмилетнего сына, Всеволода, на место Мстиславича, внука Романова, изгнанного народом. Опаснейшими их врагами были тогда Альбертовы Рыцари. Немцы и Россияне не давали покоя друг другу. Первые, собрав Ливь и Латышей, дерзнули вступить в собственные наши пределы: обошли Псков и в окрестностях Новгорода, по сказанию Ливонского Летописца, обратили в пепел несколько деревень. Латыши ограбили церковь близ самого предместия столицы, взяв иконы, колокола и другие вещи. Немцы старались укрепиться в восточной Ливонии: строили замки, рыли в них колодези на случай осады, запасались хлебом, а всего более оружием и пращами. Возбуждаемые Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили внезапно из-за реки Наровы в Ижорскую землю, издавна область Новгородскую; пленили множество людей и побили весь скот, которого не могли взять с собою.

В то время малолетний сын Георгиев, по желанию своих Бояр, не находивших для себя ни выгоды, ни удовольствия в Новгороде, со всем двором уехал к отцу. Народ опечалился; сиротствуя без главы, желал иметь Князем хотя брата Георгиева; забыл свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к Ярославу-Феодору и принял его: ибо надеялся, что он будет грозою внешних неприятелей. Ярослав, выгнав хищных Литовцев из южных пределов Новгородских и Торопецкой области, хотел быть защитником северных Ливонцев, утесненных тогда новыми пришельцами.

Ливонские рыцари

Рыцарь ордена меченосцев. 1-я пол. XIII в.

Вальдемар II, мужественный Король Датский, высадил многочисленное войско на берега Эстонии, заложил Ревель и в кровопролитной битве одержал над жителями победу, которая служила поводом к основанию Данеброгского Ордена.

Ярослав, собрав около 20 000 воинов, вступил в Ливонию. Жители встретили его с радостью, выдавали ему всех Немцев, заключенных ими в оковы, и приняли Россиян как

друзей в Юрьеве, Оденпе и других местах. Ярослав соединился с приморскими жителями Эстонии, осадил Ревель, или Колывань, и стоял под его стенами четыре недели. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно действуя пращами, что утомленный бесполезными приступами Князь снял осаду и возвратился в Новгород, хотя без славы, однако ж с пленниками и добычею.

[1224 г.] Народ охотно повиновался Ярославу: но сей Князь сам не захотел остаться в Новгороде, и Георгий вторично прислал на его место юного сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться с властолюбивыми Немцами в Ливонии, наблюдать Датчан: а Князь Новгородский был десятилетний отрок!

В сие время – около 1223 года – желая овладеть западными берегами моря Каспийского, Чингисхан отрядил двух знаменитых военачальников, Судая Баядура и Чепновиана; с повелением взять Шамаху и Дербент. Первый город сдался, и Моголы хотели идти самым кратчайшим путем к Дербенту. Но обманутые путеводителями Моголы зашли в тесные ущелия и были со всех сторон окружены Аланами – Ясами, жителями Дагестана – и Половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, Военачальник Чингисханов прибегнул к хитрости, отправил дары к Половцам и велел сказать им, что они, будучи единоплеменниками Моголов, не должны восставать на своих братьев и дружить с Аланами, которые совсем иного рода. Половцы оставили союзников; а Моголы разбили Алан. Скоро главный Хан Половецкий, именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности: узнав, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, он хотел бежать в степи; но Моголы убили его и другого Князя, Данила Кобяковича; гнались за их товарищами до Азовского моря, до вала Половецкого или до самых наших границ.

Монгольский лучник

Чингисхан

Многие Половцы ушли в Киевскую область с своими женами, скотом и богатством. В числе беглецов находился знаменитый Котян, тесть Мстислава Галицкого: сей Хан взволновал Россию вестью о нашествии Моголов; дарил Князей верблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами и говорил: «Ныне они взяли нашу землю; завтра возьмут вашу».

Храбрый Князь Галицкий, пылая ревностию отведать счастья с новым и столь уже славным врагом, собрал Князей на совет в Киеве и представлял убедительно, что благоразумие и государственная польза обязывает их вооружиться; что лучше сразиться с опасным неприятелем вне отечества, нежели впустить его в свои границы.

Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и Варяжского острова: там явились десять Послов Татарских. «Слышим, – говорили они Князьям Российским, – что вы, обольщенные Половцами, идете против нас; но мы ничем не оскорбили Россиян: не входили к вам в землю; не брали ни городов, ни сел ваших, а хотим единственно наказать Половцев, своих рабов и конюхов. Знаем, что они издревле враги России: будьте же нам друзьями; пользуясь случаем, отмстите им ныне, истребите злодеев и возьмите их богатство». Сие благоразумное миролюбие показалось нашим Князьям или робостию, или коварством: забыв правила народной чести, они велели умертвить Послов; но Татары еще прислали новых, которые, встретив войско Российское, в семнадцатый день его похода, на берегах Днепра, близ Олешья, сказали Князьям: «Итак, вы, слушаясь Половцев, умертвили наших Послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: Он нас рассудит». Мстислав Галицкий, с тысячею воинов ударив на отряд неприятельский, разбил его совершенно...

Надменные первым успехом и взяв в добычу множество скота, все Россияне переправились за Днепр и шли девять дней до реки Калки, где была легкая сшибка с неприятелем. Мстислав Галицкий, поставив войско свое на левом берегу Калки, велел Яруну, начальнику Половцев, и Даниилу с Российской дружиною идти вперед; а сам ехал на коне за ними и скоро увидел многочисленное войско Татар.

[31 Маия 1223 г.] Битва началась. Пылкий Даниил изумил врагов мужеством; вместе с Олегом Курским теснил густые толпы их и, копием в грудь уязвленный, не думал о своей ране. Но Половцы не выдержали удара Моголов; в беспамятстве ужаса устремились на Россиян, смяли ряды их и даже отдаленный стан, где два Мстислава, Киевский и Черниговский, еще не успели изготовиться к битве: ибо Мстислав Галицкий, желая один воспользоваться честью победы, не дал им никакой вести о сражении. Сие излишнее славолубие Героя, столь знаменитого, погубило наше войско: Россияне, приведенные в беспорядок, не могли устоять. Войско прекрасное, бодрое, сильное совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; одних Киевлян легло на месте 10 000. Мстислав Галицкий, горестный, бросился в ладью, переехал за Днепр и велел истребить все суда, чтобы татары не могли за ним гнаться... Татары вдруг обратились к Востоку и спешили соединиться с Чингисханом в Великой Бухарии.

Битва русских дружин с войском хана Батыея. Миниатюра из Летописного свода

После несчастной Калкской битвы Россияне лет шесть не слышали о Татарах. Чингисхан возвратился в отчизну и скончал жизнь в 1227 году, объявив наследником своим Октаем, или Угадеем, старшего сына, и предписав ему давать мир одним побежденным народам. Пылая славолубием и ревностию исполнить волю отца, новый Хан дал 300 000 воинов Батыею, своему племяннику, и велел ему покорить северные берега моря Каспийского с дальнейшими странами. Сие предприятие решило судьбу нашего отечества.

Уже в 1229 году Половцы и стража Болгарская, от берегов Яика гонимые Татарами, или Моголами, прибежали в Болгарию с известием о нашествии сих грозных завоевателей. Еще Батый медлил; наконец, чрез три года, пришел зимовать в окрестностях Волги; в 1237 году, осенью, обратил в пепел Болгарскую столицу и велел умертвить жителей. Россияне едва имели время узнать о том, когда Моголы вступили в южную часть Рязанской области. Владетели Рязанские встретили их на берегу Воронежа и хотели знать намерение Батыево. «Если желаете мира, – говорили Послы, – то десятая часть всего вашего достояния да будет наша». Князья ответствовали великодушно: «Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете», и велели Послам удалиться. Они с таким же требованием поехали к Георгию в Владимир; а Князья Рязанские, дав ему знать, что пришло время крепко стать за отечество и Веру, просили от него помощи. Но Великий Князь хотел один управиться с Татарами и, отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву.

Юрий Рязанский, оставленный Великим Князем, имея войско малочисленное, отважился на битву в поле, где легли все витязи Рязанские, вместе с Князьями Пронским, Коломенским, Муромским.

Смерть на поле битвы. Эпизод боя с монголами

Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец, убивая всех людей без милосердия и, приступив к Рязани, оградил ее тыном, или острогом, чтобы тем удобнее биться с осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах от усталости. В шестой день, Декабря 21 [1237 г.], поутру, изготовив лестницы, Татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечом. «Один из Князей Рязанских, Игорь, по сказанию новейших Летописцев, находился тогда в Чернигове с Боярином Евпатием Коловратом. Сей Боярин, сведав о нашествии иноплеменников, спешил в свою отчизну; но Батый уже выступил из ее пределов. Пылая ревностию отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым

ударом смял их полки задние. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? Слуги Князя Рязанского, полку Евпатиева, – ответствовали сии люди: нам велено с честью проводить тебя, как Государя знаменитого, и как Россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями. Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; немногие отдалися в плен живые, и Батый, уважая столь редкое мужество, велел освободить их».

Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный Князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глебович, Князь Роман и большая часть из дружины погибли от мечей Татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир. Батый в то же время сжег Москву, умертвил всех жителей. Великий Князь увидел, сколь опасны неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина, и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и ждал прибытия своих братьев, особенно Ярослава.

2 Февраля [1238 г.] Татары явились под стенами Владимира. Всеволод, Мстислав и Воевода Петр Ослядюкович ободряли граждан. Татары объехали весь город и поставили шатры свои против Златых врат. Февраля 6 Владимирцы увидели, что неприятель готовит для приступа орудия стенобитные и лестницы; а в следующую ночь огородили всю крепость тыном. Февраля 7 начался приступ: Татары вломились в Новый Город. Всеволод и Мстислав с дружиною бежали в Старый, или так называемый Печерный город; а супруга Георгиева, Агафия, дочь его, снохи, внучата, множество Бояр и народа затворились в Соборной церкви. Неприятель зажег оную: тогда Епископ благословил всех людей на смерть неизбежную. Князь Всеволод и Мстислав, не видя никакой возможности отразить неприятелей, хотели пробиться сквозь их толпы и положили свои головы вне города.

Епископ Кирилл у обезглавленного тела князя Юрия (Георгия). Худ. В. Верещагин

И шедъше оудъша граюудаль . и црѣ
Нкоу етоу юбцоу разграбиша . а про
че е все ѿ гне
мъ по
жъ
го
шъ

Взятие Суздаля войсками Батыя. Миниатюра из Летописного свода. XVI в.

Завоевав Владимир, Татары разделились: одни пошли к Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В Феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов Великого Княжения – Переславль, Юрьев, Дмитров – то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей. Еще Георгий стоял на Сити. Узнав о гибели своего народа и семейства, супруги и детей, Георгий изъявил твердость в несчастье; готовился к решительной битве. Передовой отряд его, составленный из 3000 воинов, возвратился с известием, что полки Батыевы уже обходят их. Георгий, брат его Святослав и племянники сели на коней, устроили войско и встретили неприятеля. Россияне бились мужественно и долго [4 Марта]; наконец обратили тыл. Георгий пал на берегу Сити.

Ростовский Епископ Кирилл, возвращаясь из Белаозера и желая видеть место битвы на берегах Сити, в куче мертвых тел искал Георгиева. Он узнал его по Княжескому одеянию; но туловище лежало без головы. Кирилл взял с благоговением сии печальные остатки знаменитого Князя и положил в Ростовском храме Богоматери.

Многочисленные толпы Батыевы стремились к Новгороду и, взяв Волок Ламский, Тверь, осадили Торжок. Жители две недели оборонялись мужественно, в надежде, что Новгородцы усердною помощью спасут их. Но в сие несчастное время всякий думал только о себе. Татары взяли наконец Торжок [5 Марта] и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло далее путем Селигерским. Уже Батый находился в 100 верстах от Новгорода, где плоды цветущей, долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску. Сей город весьма незначительный, имел тогда особенного Князя еще в детском возрасте, именем Василия, от племени Князей Черниговских. Татары семь недель стояли под крепостию и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал: граждане резались с ними ножами и в единомышленном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многие стенобитные орудия Татарские и, положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев и назвал Козельск Злым городом. Юный Князь Василий пропал без вести: говорили, что он утонул в крови.

Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю Половецкую, к Дону, и брат Георгиев, Ярослав – в надежде, что буря миновалась, – спешил из Киева в Владимир принять достоинство великого Князя.

Великий Князь Ярослав Всеволодович. 1238–1247 гг.

Князь Ярослав Всеволодович. Портрет из «Царского титулярника»

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла – одним словом, совершенно обно-

вить Государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквях и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудию. Восстановив тишину и благоустройство, Великий Князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну.

Ко славе Государя, попечительного о благе народном, Великий Князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области: Ярослав, разбив их, пленил Князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, княжившего прежде в Новгороде.

Между тем Князь южной России, не имея участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Через несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми Боярами на Литву; обступил Галич.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею Половцев. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший Владимирскому храму Богоматери. Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Одержав наконец победу, Татары сожгли Чернигов.

[1240 г.] Внук Чингисхана, именем Мангу, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и не мог надивиться красоте оною. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочного, и хотел склонить жителей столицы к подданству. Киевляне умертвили Послов Мангухана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее Князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть Татар, бежал в Венгрию. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом Киевским; но Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился ехать к Королю Венгерскому в надежде склонить его к содействию против жестоких варваров. Надлежало оставить в столице Вождя искусного и мужественного: Князь не ошибся в выборе, поручив оную Боярину Димитрию.

Великий князь Ярослав после разорения татарами России возобновляет города. Гравюра Б. Чорикова

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Осада началась приступом к вратам Лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и Киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный. Долго остервенение не уступало силе; но Татары ввечеру овладели стеною. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением Моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили брENNую ограду Россиян. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель умел ценить храбрость и сказал Воеводе Российскому: «Дарую тебе жизнь!» Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения. Древний Киев исчез.

Батый, узнав, что Князья южной России находятся в Венгрии, пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин и, не умея двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив: ибо Татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, Татары отступили с неудачей от Кременца, Даниилова города; но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Воевода Киевский, Димитрий, находился с Батыем и представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он всеми силами ударит на Моголов. Батый вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный Воевода Российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам.

Чтобы в общей опасности действовать согласнее с Белою, Даниил, прибыв в Венгрию, изъявил намерение вступить с ним в свойство и сына своего, юного Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастье Российских Княжений есть счастье для Венгрии. Даниил спешил защитить свое Княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже Татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, искал убежища в земле Конрадовой; там нашел он супругу, детей и брата, которые едва могли спастись от меча варваров; вместе с ними оплакал бедствие отечества и, слыша о приближении Моголов, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов, дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России. Получив сию весть, они возвратились в отечество и решились жить в Холме, основанном Даниилом близ древнего Червена и уцелевшем от Могольского разорения.

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость Небесную и счастье своего юного Князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовью и почтением; приятный голос сего Князя гремел как труба на Вечах. Достигнув лет юноши, он женился на дочери Полоцкого Князя, Брячислава, и готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область от нападений Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми.

Ливонские Рыцари, Финны и Шведы были неприятелями Новгорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для Россиян опаснее: ибо, лишася Магистра своего в несчастной битве с Литвою присоединились к славному Немецкому Ордену Св. Марии.

Король Шведский, досадуя на Россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом Шведов, Норвежцев, Финнов. Сей Вождь опытный думал завоевать Ладогу, самый Новгород и велел надменно сказать Александру: «Ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости, но спешил собрать войско; принял благословение Архиепископа Спиридона, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим Князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые Новгородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 Июля [1240 г.] приблизился к берегам Невы, где стояли Шведы. Внезапность, быстрота удара привела их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадовав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание Невского.

Александр Невский побеждает ярла Биргера на Ижоре. Фрагмент. Худ. Ф. Моллер

Крестоносцы

Ледовое побоище. Худ. В. Серов

Между тем Немцы вступили в область Новгородскую, обложили данию Вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье; взяли на границах Эстонии Российский городок Тесов и грабили наших купцов верст за 30 до Новагорода. Литва, Немцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скот, лошадей, и земледельцы не могли обрабатывать полей.

[1241 г.] Александр прибыл, и все переменялось. Немедленно собралось войско: Новгородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы весело шли под его знаменами к Финскому заливу; взяли Копорье и пленили многих Немцев. Александр освободил некоторых; но Вожане и Чудские изменники, служившие неприятелю, в страх другим были повешены.

[1242 г.] Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных Немцев и Чудь. Победитель вошел в Ливонию, и когда воины наши рассеялись для собрания съестных припасов, неприятель разбил малочисленный передовой отряд Новгородский. Тут Александр оказал искусство благоразумного Военачальника: зная силу Немцев, отступил назад, искал выгодного места и стал на Чудском озере [5 Апреля 1242 г.] Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен; тела Чуди лежали на семи верстах. Князь возвратился в город Псков. Духовенство встретило Героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцом и спасителем.

Вооружение рыцарей-крестоносцев

Убиение князя Михаила Черниговского за непоклонение кумиру в Орде. Гравюра Б. Чорикова

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы Россиян, уже данников Татарских. Батый, завоевав многие области Польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, возвратился к берегам Волги. Там, именуясь Ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всеми от устья Дона до реки Дуная. Батый звал к себе Великого Князя. Презирая собственную личную опасность, Великий Князь отправился со многими Боярами в стан Батыев. Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех Князей Российских, отдав ему Киев. Так Государи наши отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров.

Князь Данила Галицкий и ляхи. Гравюра Б. Чорикова

[1246 г.] Великий Князь должен был отправиться к берегам Амура, где Моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового Великого Хана. Ярослав простился навеки с любезным отечеством: достигнув до Ханского стана, он в числе иных данников смирился пред тронем Октаева наследника, и, получив дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути [30 Сентября].

Россия, огорченная смертью Ярослава, почти в то же время сведала ужасные обстоятельства кончины Михайловой. Сей Князь возвратился в Чернигов, где сановники Ханские переписывали тогда бедный остаток народа и налагали на всех людей дань поголовную, от земледельца до Боярина. Они велели Михаилу ехать в Орду. Приняв от Духовника благословение и запасные Святые Дары, он с Вельможею Феодором и с юным внуком, Борисом Васильковичем Ростовским, прибыл в стан к Моголам и хотел уже вступить в шатер Батыев; но волхвы, или жрецы сих язычников, блюстители древних суеверных обрядов, требовали, чтобы он шел сквозь разложенный перед ставкою священный огонь и поклонился их кумирам. «Нет! – сказал Михаил: – я могу поклониться Царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу

Государств земных; но Христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Услышав о том, свирепый Батый объявил ему чрез своего Вельможу, именем Эльдега, что должно повиноваться или умереть. «Да будет!» – ответствовал Князь. По данному знаку убийцы бросились, как тигры, на Михаила, били его в сердце, топтали ногами. Юный Борис Василькович, оплакав жребий деда, получил дозволение возвратиться в свой Удел; о Князях же Черниговских с того времени почти совсем не упоминается в наших летописях.

Счастливее Князя Черниговского был Даниил в своих первых сношениях с Ордою. Послы за Послами являлись у него от имени Ханского, требуя, чтобы он искал милости Батыевой раболепством или отказался от земли Галицкой. Наконец Даниил поехал к сему завоевателю; встретил Татар за Переяславлем, гостил у Куремсы, их Темника, и в окрестностях Волги нашел Батыя, который в знак особенного благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших Князей. Даниил, пробыв 25 дней в улусах, выехал оттуда с именем слуги и данника Ханского. Между тем Государи соседственные, устраненные его дружественною связию с Ордою, начали оказывать к нему гораздо более уважения. Боясь, чтобы Моголы, как покровители Даниила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложил ему тесный союз и выдал меньшую дочь, именем Констанцию, за его сына, Льва. Утвердив вечный с ним мир, Даниил жил согласно и с Поляками.

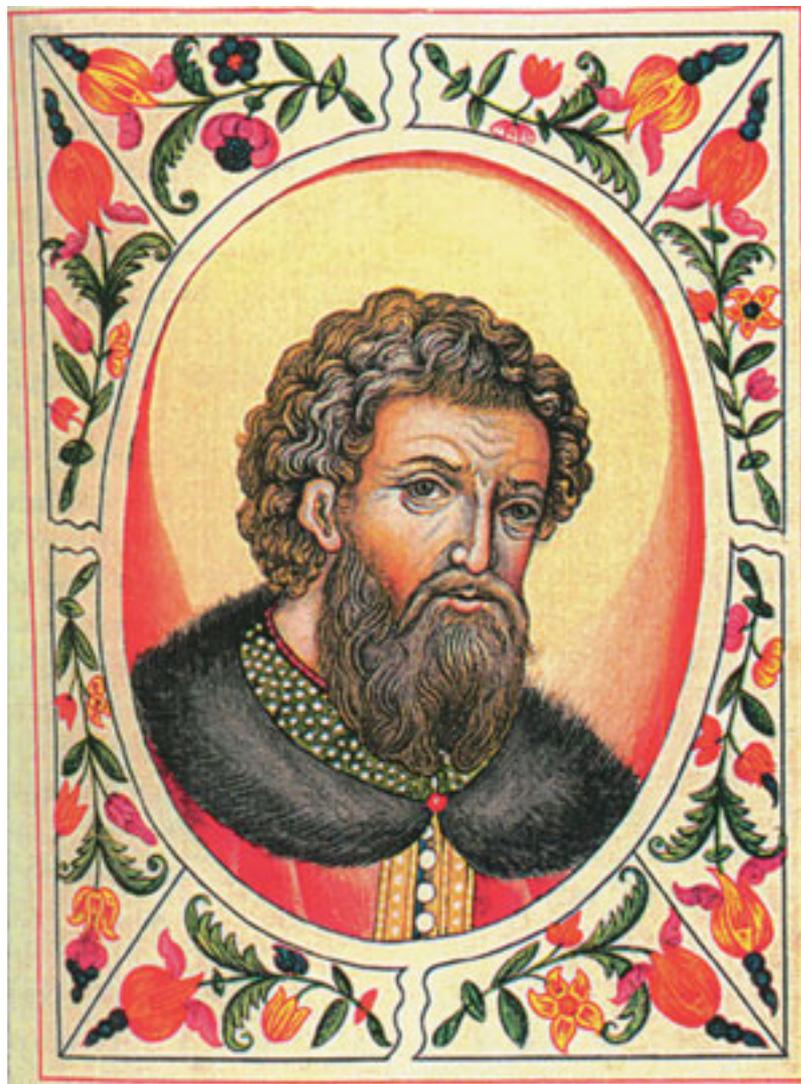

Золотые ворота в Киеве. Реконструкция

Занимаясь великим намерением свергнуть иго Батыево, Даниил с горестию видел слабость России, уныние Князей и народа; не мог надеяться на их содействие и долженствовал искать способов вне отечества. Даниил обратил глаза на Запад, где Рим был душою и средоточием всех государственных движений. Сей Князь (в 1245 или 1246 году) дал знать Иннокентию, что желает соединить Церковь нашу с Латинскою, готовый под ее знаменами идти против Моголов. Папа, называя Даниила Королем и любезнейшим сыном, наконец, чтобы обольстить Даниилово честолюбие, предложил ему венец Королевский. Сей достопамятный обряд совершился в Дрогичине, и Князь Галицкий с того времени именовался Королем, а папа написал грамоту к Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другим народам, чтобы они вместе с Галичанами под знаменем креста ударили на Моголов; но как сие ополчение не состоялось, то Даниил отрекся от связи с Римом и, строго наблюдая

уставы Греческой Церкви, доказал, что мнимое присоединение его к Латинской было одною государственною хитростию.

Великие Князья Святослав Всеволодович, Андрей Ярославич и Александр Невский. 1247–1263 гг.

Великий князь Александр Невский. Портрет из «Царского титулярника»

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновению, дядя Невского, Святослав, наследовал престол Великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных Княжениях.

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и Россияне еще с гордостью именовали его своим независимым Князем: даже стращали им Моголов. Батый велел сказать ему: «Князь Новгородский! Если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и величие Моголов». Александр любил отечество более своей Княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и вслед за братом Андреем поехал в стан Могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил Вельможам, что сей Князь действительно есть человек необыкновенный. Но Александр и брат его должныствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к Великому Хану.

[1249–1250 гг.] Наконец Александр и брат его благополучно возвратились от Великого Хана, который столь был доволен ими, что поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском.

[1251–1252 гг.] Новгородцы встретили Невского с живейшею радостью: также и Митрополита Кирилла, который прибыл из Владимира и к общему удовольствию посвятил их Архиепископа, Далмата. Внутреннее спокойствие Новгорода было нарушено только случайным недостатком в хлебе, пожарами и весьма опасною болезнию Князя Александра, в коей все Государство принимало участие, возлагая на него единственную свою надежду: ибо он, умев заслужить почтение Моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления Россиян, бывших там в неволе. Александр выздоровел и, желая оградить безопасностью северную область Новгородскую, отправил Посольство к Норвежскому Королю Гакону в Дронгтейм, предлагая ему, чтобы он запретил Финмаркским своим подданным грабить нашу Лопь и Корелию. Послам Российским велено было также узнать лично Гаконову дочь, именем Христину, на коей Александр думал женить сына своего, Василия. Но с обеих сторон желаемый брак не мог тогда совершиться, ибо Александр, сведав о новых несчастьях Владимирского княжения, отложил семейственное дело до иного, благоприятнейшего времени и спешил в Орду, чтобы прекратить сии бедствия.

Брат его, Андрей, зять Даниила Галицкого, хотя имел душу благородную, но ум ветреный. Он не мог избавить Россию от ига: по крайней мере, следуя примеру отца и брата, мог бы мудрым правлением и благоразумною уклончивостию в рассуждении Моголов облегчить судьбу подданных. Но Андрей пылкий, гордый, положил, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на нем данником Батыевым, и тайно бежал из Владимира с женою своею и с Боярами. Неврюй, Олабуга и Котья, Воеводы Татарские, уже шли в сие время наказать его за какое-то ослушание: настигнув [24 Июля 1252 г.] Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину и едва не схватили самого Князя. Обрадованные случаем мстить Россиянам как мятежникам, толпы Неврюевы рассыпались по всем областям Владимирским; брали скот, людей; убили в Переславле Воеводу, супругу юного Ярослава Ярославича, пленили его детей и с добычею удалились.

Отказ Александра Невского исполнить татарский обряд поклонения огню и кусту. Худ. Ф. Моллер

Александр Невский. Худ. П. Корин

Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на Россиян и, признанный в Орде Великим Князем, с торжеством въехал во Владимир.

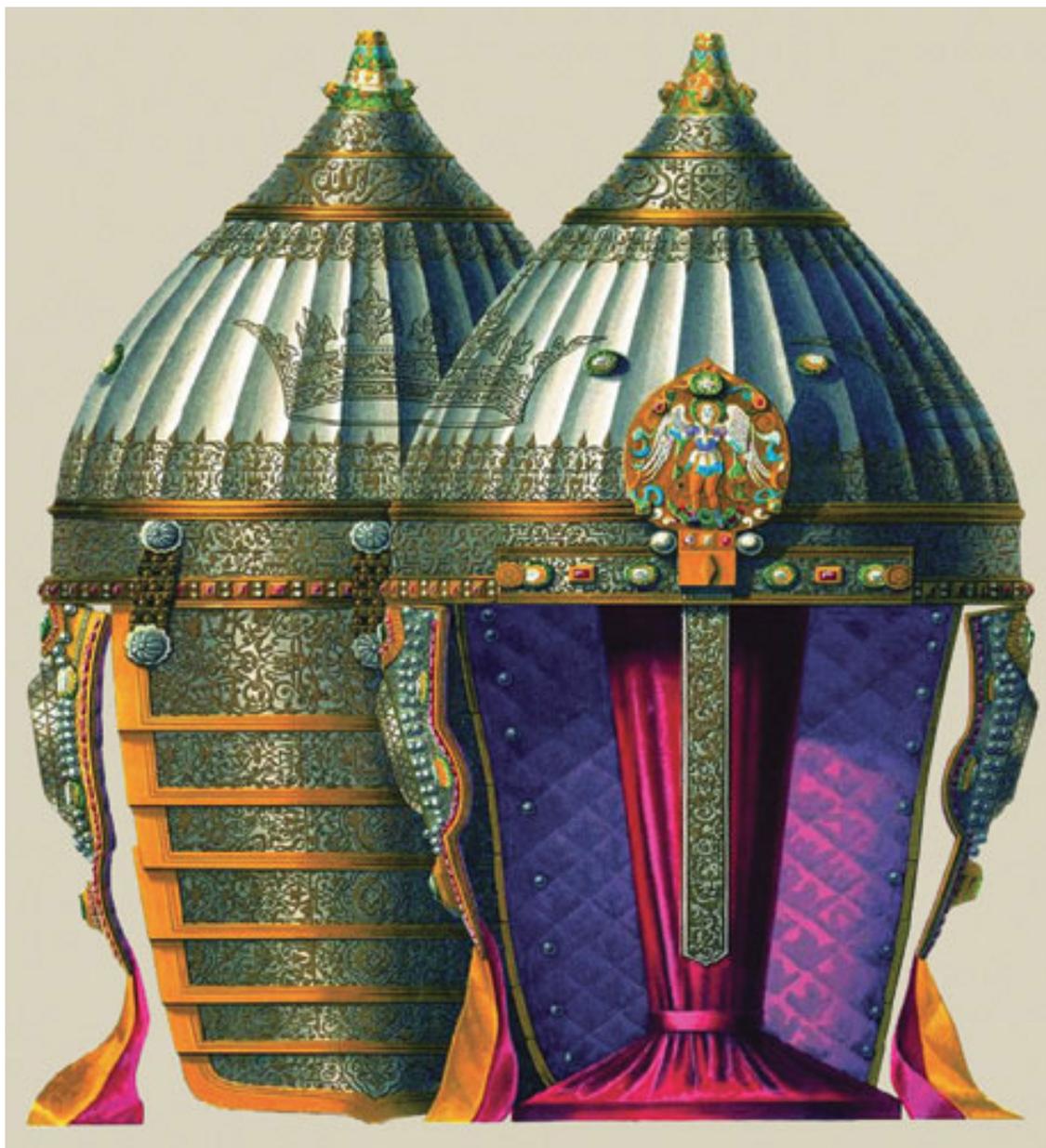
[1256 г.] Поручив Новгород сыну своему, Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Батый умер: сын его был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки, который, умертвив племянника, объявил себя преемником Батыевым и вверил дела Российские своему Наместнику Улавчию. [1257 г.] Сей Вельможа принимал наших Князей и дары их: к нему явился Александр с Борисом Васильковичем и братом Андреем. Вероятно, что они, сведав намерение Татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому Княжению, определенной данию по числу людей, желали отворотить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники Татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую – сочли жителей и поставили над ними Десятников, Сотников, Темников для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и Монахов. Изъявляя уважение к Духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги Бога Русского, как думал народ.

[1257–1258 гг.] Чрез несколько месяцев Великий Князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским. Наместник Ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную: Герой Невский должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ, который все еще славился своею независимостию. Вместе с Татарскими чиновниками и с Князьями, Андреем и Борисом, Александр поехал в Новгород, где жители, сведав о его намерении, пришли в ужас. Сам юный Князь Василий, по внушению своих Бояр, уехал из Новагорода в Псков, объявив, что не хочет повиноваться отцу, везущему с собою стыд для людей вольных. В сем расположении Александр нашел большую часть граждан и не мог ничем переменить его: они решительно отказались от дани, но отпустили Могольских чиновников с дарами, говоря, что желают быть в мире с Ханом, однако ж свободными от ига рабского.

[1259 г.] Александр остался в Новгороде и, предвидя, что Хан не удовольствуется дарами, ждал следствий неприятных. В самом деле пришло известие из Владимира, что войско Ханово уже готово идти к Новгороду. Сия весть имела такое действие в народе, что он на все согласился, и великий Князь уведомил Моголов о его покорности. Чиновники их явились на берегах Волхова для переписи людей и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглým образом, что граждане вдруг переменили мысли. Сделалось волнение: чиновники Могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр приставил к ним Посадникова сына и Боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их дома. Мятеж не утихал. Наконец Александр выехал из дворца с Могольскими чиновниками, объявив, что он предает мятежных граждан гневу Хана и несчастной судьбе их, навсегда расстается с ними и едет в Владимир. И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с Баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или чрез Великих Князей. Вельможи Татарские, распорядив налоги, удалились. Александр поручил Новгород сыну Димитрию и возвратился в Великое Княжение...

Великий князь Александр Ярославич Невский. Худ. В. Боровиковский

Шлем Александра Невского

В сие время Даниил, ободряемый Королем Венгерским, Ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом Моголов. Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий; а мужественный Даниил, пользуясь изумлением Татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом, где Баскаки господствовали как в своих Улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслию о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы Моголов, ведомые свирепым Бурондаем, преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты Хану или враг? – сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: – если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил Татарских, медлил и наконец послал Василька к Бурондаю с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие. Сонмы Моголов устремились на Литву. Хваля мужество, оказанное братом Данииловым, Бурондай отпустил его в Владимир. Прошло два года в тишине и спокойствии для юго-западной России. Даниил, именуя себя другом Ханским, строил, укреплял

города; но Бурондай, вступив в область Галицкую, дал знать ее Королю, чтобы он явился в его стане как смиренный данник или ждал казни. Даниил послал к нему брата, сына, Холмского Епископа Иоанна и дары. «Хотите ли уверить нас в искренней покорности? – говорил Темник Ханов: – разберите или предайте огню стены крепостей ваших; сравняйте их окопы с землею». Василько и Лев не смели ослушаться: города Данилов, Стожек, Кременец, Луцк, Львов, незадолго до того времени основанный и названный именем старшего сына Даниилова, обратились в села, быв лишены своих укреплений, ненавистных Татарам. Бурондай веселился, смотря на пылающие стены и башни Владимирские; хвалил повиновение Василька и, в знак особенного удовольствия, несколько дней пиروвав в его дворце, пошел к Холму, откуда горестный Даниил уехал в Венгрию.

Доспехи золотоордынского воина

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, которое более и более отягощало народ. Господство Моголов в России

открыло туда путь многим купцам Бесерменским, Харазским, или Хивинским: сии люди откупали у Татар дань наших Княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и [в 1262 г.] единодушно восстали на сих лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах северной России.

Россияне, наказав лихоимцев Харазских, озлобили Татар. Великий Князь решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Александр нашел Хана Берку в Волжском городе Сарае. Сей Батыев преемник любил Искусства и Науки; украсил новыми зданиями свою Капчакскую столицу и позволил Россиянам, в нем обитавшим, свободно отправлять Христианское богослужение, так что Митрополит Кирилл (в 1261 году) учредил для них особенную Епархию под именем Сарской. Великий Князь успел в своем деле, оправдав изгнание Бесерменов из городов Суздальских. Хан продержал Невского в Орде всю зиму и лето. Осенью [1263 г.] Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября.

Кончина великого князя Александра Невского. Худ. Г. Семирадский

1263–1304 гг.

Андрей Ярославич должен был наследовать престол Владимирский; но как он умер через несколько месяцев по кончине Невского, то брат их, Ярослав Тверской, сделался Великим Князем. Новгородцы также признали его своим Начальником, выгнав юного Дмитрия Александровича.

Архиепископ Климент склоняет великого князя Дмитрия Александровича к миру с новгородцами. 1280 г. Гравюра Б. Чорикова

Распря князей перед ханским послом. 1296 г. Гравюра Б. Чорикова

Великий Князь Ярослав, следуя примеру отца и Александра Невского, старался всеми способами угождать Хану и подобно им кончил жизнь свою [в 1272 г.] на возвратном пути из Орды.

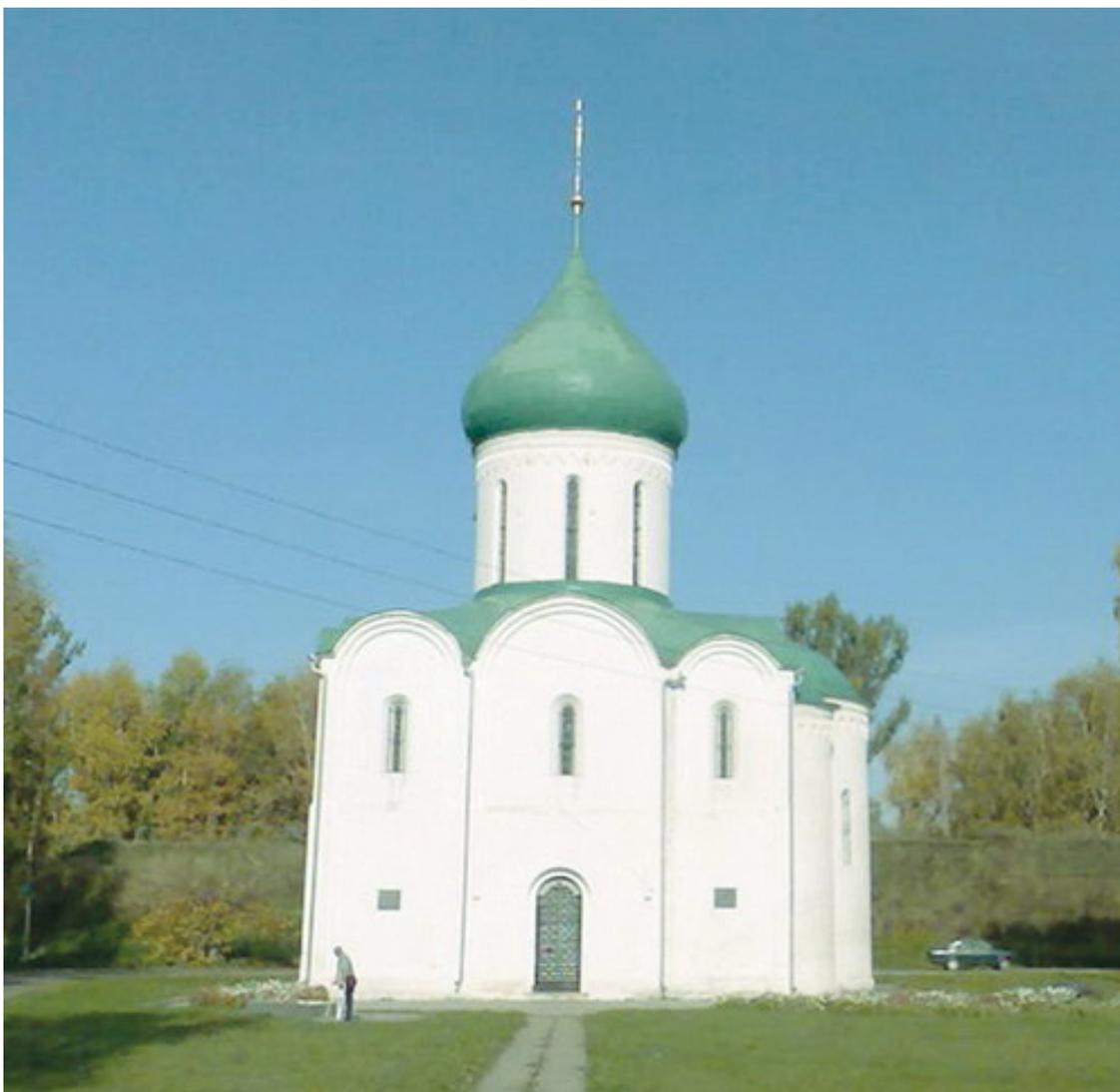
Лет за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребен в Холме) знаменитый Даниил, Король Галицкий.

После страшной грозы Батыевой отечество наше как бы отдохнуло в течение лет тридцати, будучи обязано внутренним устройством и тишиною умному правлению Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Войны внешние были довольно счастливы: победа Невская и Раковорская свидетельствовали, что Россияне еще умеют владеть мечом. В таком состоянии находилось Великое Княжение, когда Дмитрий Александрович восшел на престол оно, к несчастью подданных и своему, к стыду века и крови Героя Невского.

Новгородцы тогда же признали Дмитрия своим Князем, следуя древнему правилу, что Глава России есть и Глава Новгорода.

[1277–1280 гг.] В то самое время собственный его меньший брат, Андрей Александрович, Князь Городца Волжского, вздумал овладеть Великим Княжением, вопреки государственному уставу или древнему обыкновению, по коему старший в роде заступал место

отца. Лестию и дарами задоблив Хана, Андрей получил от него грамоту и войско, подступил к Мурому и велел всем Удельным Князьям явиться к нему в стан с их дружинами. Никто не смел слушаться. Изумленный сею внезапною грозою, Великий Князь искал спасения в бегстве; а Татары, пользуясь случаем, напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самого Торжка, были разорены ими. Переславль, Удельный город Димитриев, хотел обороняться и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя, который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга. Сие несчастье случилось Декабря 19 [1281 г.].

Спасо-Преображенский собор в Переславле

[1282 г.] Сведая, что полки Ханские оставили Россию, Дмитрий возвратился в Переславль и начал собирать войско. Андрей, видя опасность, спешил в Орду. Новгородцы также не могли быть спокойны. Они хотели изгнать Великого Князя; встретив же его готового к битве, в пяти верстах от Дмитрова, остановились и заключили мир на всей воле своей: Дмитрий отказался от Новгорода и дал слово не мстить его жителям. Но Андрей нашел гораздо усерднейших помощников в Моголах: сии варвары, всегда алчные к злодействам и добыче, не отказались и вторично услужить ему разорением Великого Княжения; напали со всех сторон на Суздальские области и стремились к Переславлю, означая свой путь кровию и пожарами. Дмитрий не мог противиться: он бежал к сильному Ногаю, который, быв прежде

воеводою Ханским, тогда уже самовластно господствовал от степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губернии до берегов Черного моря и Дуная.

Таким образом Князья Российские в самом источнике насилий искали способа защитить себя от оных и жертвовали последними остатками народной гордости выгодам личного властолюбия. Димитрий не обманулся в надежде: Ногай возвратил ему престол и власть не мечом и не кровопролитием, но одною повелительною грамотою. Но Андрей хитрыми происками успел склонить на свою сторону многих Удельных Князей, в особенности же Феодора Ярославского, любимца Ногаева, представляя им Димитрия опасным и готовым стеснить их права, хотя Великий Князь совсем не думал о самовластии. Андрей и Феодор, вступив в тесную связь, очернили Димитрия в глазах Ногай. [1293 г.] Ногай сказал слово, и многочисленные полки Моголов устремились на разрушение.

Наконец властолюбивый Андрей уже мог назваться законным Великим Князем России; никто не спорил с ним о сем достоинстве.

[1295–1297 гг.] В тогдашних обстоятельствах Великому Князю надлежало бы иметь превосходную душу Александра Невского, чтобы не именем только, но в самом деле быть Главою частных Владетелей, из коих всякий искал независимости. Михаил Тверской и Феодор Ярославский приобрели оную в княжение Димитрия, а Даниил Московский и сын Димитрия Александровича, Иоанн Переславский, хотели того же при Андрее. Открылась распря, дошедшая до высшего судилища Ханова: сам Великий Князь ездил в Орду с своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посол Ханский, избранный быть миротворцем, созвал Князей в Владимир. Они разделились на две стороны: Михаил Тверской взял Даниилову: Феодор Черный и Константин Борисович стояли за Андрея. Разгоряченные спором Князья и Вельможи взялись было за мечи. Епископы, Владимирский Симеон и Сарский Исмаил не дали братьям резаться между собою. Суд кончился миром, или, лучше сказать, ничем. Посол Ханов взял дары, а Великий Князь, дав слово оставить братьев и племянника в покое, в то же время начал собирать войско, чтобы смирить их как мятежников. Желая воспользоваться отсутствием Иоанна, он хотел завладеть Переславлем, но встретил под Юрьевом сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Иоанн, отправляясь к Хану, поручил свою область защите Михаила Ярославича. Вторично вступили в переговоры и вторично заключили мир, который, сверх чаяния, не был нарушен до самой кончины Андреевой.

Даниил [в 1303 г.] внезапно скончался, однако ж успев принять Схиму, по тогдашнему обыкновению людей набожных. Он первый возвеличил достоинство Владетелей Московских и первый из них был погребен в сем городе, в церкви Св. Михаила, оставив по себе долговременную память Князя доброго, справедливого, благоразумного.

Сведая о кончине Данииловой, Переславцы единодушно объявили Князем своим сына его, Юрия, или Георгия, у них бывшего, и даже не позволили ему ехать на погребение отца, боясь, чтобы Андрей не занял их города. Георгий не только без страха ожидал Андрея, но хотел еще и новыми приобретениями умножить владения Московские; соединился с братьями, завоевал Можайск, Удел Смоленский, и привел пленником тамошнего Князя, Святослава Глебовича, Феодорова племянника.

Наконец Великий Князь, быв целый год в Орде, возвратился с послами Тохты. Князья съехались в Переславле на общий Сейм (осенью в 1303 году). Андрей, Михаил и сыновья Данииловы возобновили договор мира, но Георгий удержал за собою Переславль.

Великий Князь Андрей скончал жизнь свою Схимником в 1304 году [27 Июля], заслужив ненависть современников и презрение потомства.

В княжение Андреево (в 1299 году) Митрополит Максим оставил навсегда Киев, чтобы не быть там свидетелем и жертвою несносного тиранства Моголов, и со всем Клиросом переехал в Владимир; даже большая часть Киевлян разбежалась по другим городам. После Ярослава и сына его, Александра Невского, Великие Князья уже не имели никакой власти

над странами Днепровскими. Кто из потомков Св. Владимира господствовал в оных, неизвестно.

Великий Князь Михаил Ярославич. 1304–1319 гг.

Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастьем для России. Два Князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и Георгий Даниилович Московский; но первый с большим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следовательно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым, и Бояре Великого Княжения, предав земле тело Андреево, спешили в Тверь поздравить Михаила Государем Владимирским. Новгородцы также признали его своим Главою, в уверении, что Хан утвердит за ним Великое Княжение.

[1305–1308 гг.] Через несколько месяцев решилась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с Ханскою грамотою в Владимир, где Митрополит возвел его на престол Великого Княжения. Михаил несколько лет властвовал спокойно и жил большею частию в Твери.

[1318 г.] Между тем Георгий жил в Орде, три года кланялся, дарил и приобрел наконец столь великую милость, что юный Узбек, дав ему старейшинство между Князьями Российскими, женил его на своей любимой сестре Кончаке, названной в крещении Агафиею. Провождаемый Моголами и Воеводою их, Кавгадыем, Георгий возвратился в Россию и, пылая нетерпением сокрушить врага, хотел немедленно завоевать Тверь. Михаил отправил к нему Послов. «Будь Великим Князем, если так угодно Царю, – сказали они Георгию именем своего Государя: – только оставь Михаила спокойно княжить в его наследии; иди в Владимир и распусти войско». Ответом Князя Московского было опустошение Тверских сел и городов до самых берегов Волги. Великий Князь, предводительствуя войском мужественным, встретил полки Георгиевы, соединенные с Татарами и Мордвою, в 40 верстах от Твери, где ныне селение Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаил искал смерти: шлем и латы его были все истрелены, обсечены, но Князь цел и невредим; везде отражал неприятелей и наконец обратил их в бегство. Сия победа [22 Декабря] спасла множество несчастных Россиян, жителей Тверской области, взятых в неволю Татарами.

Князь Московский бежал к Новгородцам. Новгородцы вступились за Георгия: собрали полки и приблизились к Волге. На другой стороне ее развевались знамена Тверские, украшенные знаками свежей победы; однако ж Великий Князь не хотел вторичной жестокой битвы и предложил Георгию ехать с ним в Орду. На сем основании сочинили договорную грамоту, в коей Георгий именован Великим Князем и по коей Новгородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области. К несчастью, жена Георгиева скоропостижно умерла в Твери, и враги Михаиловы распустили слух, что она была отравлена ядом. Георгий воспользовался случаем очернить своего великодушного неприятеля в глазах Узбековых. Провождаемый многими Князьями и Боярами, он вместе с Кавгадыем отправился к Хану; а неосторожный Михаил еще долго медлил.

Напутствие Михаила Тверского. Худ. П. Орлов

Победа великого князя Михаила Тверского над татарами и пленение Кавгадыя. 1318 г.
Гравюра Б. Чорикова

Между тем как враг его ревностно действовал в Сарае и подкупал Вельмож Могольских, Великий Князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России, спокойно занимался в Твери делами правления; наконец, взяв благословение у Епископа, поехал.

Михаил нашел Узбека на берегу моря Сурожского, или Азовского, при устье Дона; вручил дары Хану, Царице, Вельможам и шесть недель жил спокойно в Орде, не слыша ни угроз, ни обвинений. Но вдруг Узбек сказал Вельможам своим, чтобы они рассудили Михаила с Георгием и решили, кто из них достоин казни. Начался суд.

Кавгадый ежедневно приступал к Царю со мнимыми доказательствами, что Великий Князь есть злодей обличенный: Узбек, юный, неопытный, опасался быть несправедливым; наконец, обманутый согласиём бессовестных судей, единомышленников Георгиевых и Кавгадыевых, утвердил их приговор.

Михаил сведал и не ужаснулся; благословил сына своего, Константина; поручил ему сказать матери и братьям, что он умирает их нежным другом; что они, конечно, не оставят

верных Бояр и слуг его, которые у престола и в темнице изъявляли Государю равное усердие. Час решительный наступал. Всех людей Княжеских разогнали: Михаил стоял один и молился: Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, именем Романец, вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Народ вломился в ставку для грабежа, позволенного у Моголов в таком случае. Георгий и Кавгадый, узнав о смерти Святого Мученика – ибо таковым справедливо признает его наша Церковь – сели на коней и подъехали к шатру. Тело Михаила лежало нагое. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «Он твой дядя: оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Георгиев закрыл оный своею одеждою.

Смерть князя Михаила Тверского в Орде. 1319 г. Гравюра Б. Чорикова

Великие Князья Георгий Данилович, Димитрий и Александр Михайловичи. 1319–1328 гг.

Утвержденный Ханом на Великом Княжении и взяв с собою юного Константина Михайловича и Бояр Тверских в виде пленников, Георгий приехал господствовать в Владимир.

По возвращении в Новгород Георгий сведал, что Князь Иоанн Данилович, быв в Орде, приехал оттуда с Послом Узбековым, который, объявив намерение учредить благоустройство в областях Великого Княжения, лил кровь людей, взял Ярославль как неприятельский город и с торжеством отправился назад к Хану. Вторая весть была для Георгия еще горестнее: Димитрий Михайлович нарушил данное ему слово, выходил для себя в Орде достоинство Великого Князя. Тщетно Георгий молил Новгородцев идти вместе с ним ко Владимиру: он должен был ехать туда один и на пути едва не попался в руки к Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обоз и казну. Георгий бежал во Псков, где приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь действовать всеми силами против Немцев.

Сведав, что Димитрий Михайлович, сверх покровительства Узбекова, имеет сильное войско в Великом Княжении и что народ, любив отца его, изъявляет усердие и к сыну, Георгий решился остаться в Новгороде. Новгородцы ходили с ним к берегам Невы и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острове Ореховом, заложили крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, чтобы Шведы не могли свободно входить в сие озеро. Услышав о том и желая прекратить войну, юный Король Магнус прислал Вельмож в стан Георгиев с предложением, соответственным обоюдной пользе. Оно было принято. Россияне, заключив договор с Послами, в своей новой крепости торжествовали мир, коего главное условие состояло в восстановлении древних пределов между обеими державами в Корелии и в Финляндии.

Тогда Георгий, заслужив искреннюю признательность Новгородцев и обнадеженный в их верности, дружески простился с ними: он поехал к Хану, чтобы вторично снискать его милость и вновь утвердить за собою Великое Княжение.

Великий князь Георгий (Юрий) Данилович

[1325 г.] В следующий год отправился к Хану и Димитрий. Там они увидели друг друга, и нежный сын, живо представив себе окровавленную тень Михайлову, затрепетав от ужаса, от гнева, вонзил меч в убийцу. Георгий испустил дух: а Димитрий, совершив месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидал следствий... Тело Георгиево привезли в Москву, где княжил брат его, Иоанн Даниилович, и погребли в церкви Архангела Михаила.

Хан долго молчал. Прошло десять месяцев. Брат Димитриев, Александр, спокойно возвратился из Орды с Ханскими пошлинниками, надеясь, что дело уже кончилось и что Узбек не думает о мести. Но вдруг вышло грозное повеление, и несчастного Димитрия убили [15 Сентября 1326 г.] в Орде. Сия весть, равнодушно принятая в Москве и в Новгороде, огорчила добрых Тверитян, усердных к Государям и видевших в юном своем Князе славную

жертву любви сыновней. Дмитрий Михайлович, прозванием Грозные Очи, смелый, пылкий, имел только 27 лет от рождения; он не оставил детей.

Истребление монголов в Твери при великом князе Александре Михайловиче. 1327 г.
Гравюра Б. Чорикова

Несмотря на казнь Дмитриеву, Узбек в знак милости признал его брата Великим Князем Российским: по крайней мере, так назван Александр Михайлович в договорной грамоте.

В конце лета [1327 г.] явился в Твери Ханский Посол, Шевкал, сын Дюденев и двоюродный брат Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бедный народ содрогнулся от ужаса, слыша, что Шевкал намерен обратить Россиян в Магометанскую Веру, убить Князя Александра с братьями, сесть на его престоле и все города наши раздать своим Вельможам. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасения Веры и православных Государей, окружили Князя, юного и легкомысленного. Забыв пример отца, великодушно умершего для спокойствия подданных, Александр с жаром представлял Тверитянам, что жизнь его в опасности; что Моголы, убив Михаила и Дмитрия, хотят истребить и весь род Княжеский; что время справедливой мести настало. Граждане, усердные, пылкие, единодушно требовали оружия: Князь на рассвете, 15 Августа, повел их ко дворцу Михайлову, где жил брат Узбе-

ков. Общее волнение, шум и стук оружия пробудили Татар. Тверитяне устремились на них с воплем. Сеча была ужасна. От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, Моголы заключились во дворце; Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком Ханской дружины. К свету не было уже ни одного Татарина живого. Граждане умертвили и купцев Ордынских.

Пир богатырей. Худ. А. Рябушкин

Сие дело изумило Орду. Узбек, пылая гневом, клялся истребить гнездо мятежников; однако ж, действуя осторожно, призвал Иоанна Данииловича Московского, обещал сделать его Великим Князем и, дав ему в помощь 50 000 воинов, велел идти на Александра. К сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы с Владетелем своим, Александром Васильевичем, внуком Андрея Ярославича. Князь Тверской думал искать убежища в Новгороде. Туда ехали уже Наместники Московские: граждане не хотели об нем слышать. Между тем Иоанн и Князь Суздальский, верные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери. Малодушный Александр, оставив свой несчастный народ, ушел во Псков, а братья его, Константин и Василий, в Ладогу. Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнем и мечом, другие отведены в неволю. Самые Новгородцы едва спаслись от хищности Моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех Воевод Узбековых.

Великий Князь Иоанн Даниилович, прозванием Калита. 1328–1340 гг.

Великий князь Иван Даниилович Калита. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Летописцы говорят, что с восшествием Иоанна на престол Великого Княжения мир и тишина воцарились в северной России; что Моголы перестали наконец опустошать ее страны и кровию бедных жителей орошать пепелища.

Сия перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою России. Иоанн Даниилович не хотел выехать из Москвы, где находилась уже и кафедра Митрополии: ибо Святой Петр, имев несколько раз случай быть в сем городе, полюбил его красивое местоположение и доброго Князя, оставил знаменитую столицу Андрея Боголюбского и переселился к Иоанну. Иоанн в 1326 году, 4 Августа, заложил в Москве на площади первую церковь каменную во имя Успения Богоматери, при великом стечении народа. Святой Митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь Епископ Ростовский, и новый Митрополит, именем Феогност, родом Грек, основал свою кафедру также в Москве.

Первым делом Великого Князя было ехать в Орду вместе с меньшим братом Александра Тверского, Константином Михайловичем, и с чиновниками Новгородскими. Узбек признал Константина Тверским Князем; изъявил милость Иоанну: но отпуская их, требовал, чтобы они представили ему Александра. Вследствие того Послы Великого Князя и Новгородские, прибыв во Псков, именем отечества убеждали Александра явиться на суд к Хану и тем укротить его гнев, страшный для всех Россиян. «И так вместо защиты, – отвечивал Князь Тверской, – я нахожу в вас гонителей! Христиане помогают неверным, служат им и предают своих братьев! Жизнь, суетная и горестная, не прельщает меня: я готов жертвовать собою для общего спокойствия». Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастным состоянием, сказали ему единодушно: «Останься с нами: клянемся, что тебя не выдадим; по крайней мере, умрем с тобою». Они велели Послам удалиться и вооружились.

[1329 г.] Ни угрозы, ни воинские приготовления Иоанновы не могли поколебать твердости Псковитян: в надежде, что они одумаются, великий Князь шел медленно к их границам и чрез три недели расположился станом близ Опоки; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибегнул к иному способу, необыкновенному в Древней России: склонил Митрополита наложить проклятие на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся. Сия Духовная казнь, соединенная с отлучением от Церкви, устарила народ. Однако ж граждане все еще не хотели предать несчастного сына Михайлова. Сам Александр великодушно отказался от их помощи. «Да не будет проклятия на моих друзьях и братьях ради меня! – сказал он им со слезами: – иду из вашего града, освобождая вас от данной мне клятвы».

[1330–1332 гг.] Страх, наведенный Иоанном на Псков, не имел желаемого действия: ибо Александр, принятый дружелюбно Гедимином Литовским, обнадеженный им в защите и влекомый сердцем к добрым Псковитянам, чрез 18 месяцев возвратился. Они приняли его с радостию и назвали своим Князем; то есть отложились от Новгорода и, выбрав даже особенного для себя Епископа, именем Арсения, послали его ставиться к Митрополиту, бывшему тогда в Волынии. Александр Михайлович и сам Гедимин убеждали Феогноста исполнить волю Псковитян; однако ж Митрополит с твердостью отказал им.

Великодушные псковитян, оказанное тверскому князю Александру Михайловичу. 1329 г.
Гравюра Б. Чорикова

[1334–1335 гг.] Новгородцы все еще старались утишить гнев Великого Князя и наконец в том успели посредством, кажется, Митрополита Феогноста, с коим деятельный Архиепископ Василий имел свидание в Владимире. Иоанн, возвратясь из Орды в Москву, выслушал милостиво их Послов и сам приехал в Новгород. Все неудовольствия были преданы забвению. В знак благоволения за оказанную ему почесть и приветливость жителей, умевших иногда ласкать Князя, Иоанн позвал в Москву Архиепископа и главных их чиновников, чтобы за роскошное угощение отплатить им таким же. В сих взаимных изъявлениях доброжелательства он согласился с Новгородцами вторично изгнать Александра Михайловича из России и смирить Псковитян, исполняя волю Татар или следуя движению личной на него злобы.

Великий князь Александр Невский и московский князь Иван Калита. Фреска XVI в.

Жив около десяти лет во Пскове, Александр непрестанно помышлял о своей отчизне и средствах возвратиться с безопасностью в ее недра. «Если умру в изгнании, – говорил он друзьям, – то и дети мои останутся без наследия». Покровительство Гедимина не могло возратить ему Тверского престола: ибо сей Литовский Князь избегал войны с Ханом. Александр мог бы обратиться к Великому Князю; но, будучи им издавна ненавидим, надеялся скорее умилостивить грозного Узбека и послал к нему юного сына своего, Феодора, который (в 1336 году) благополучно возвратился в Россию с Послом Могольским. Привезенные вести были таковы, что Александр решился сам ехать в Орду и, взяв заочно благословение от

Митрополита Феогноста, отправился туда с Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь Верховный! – сказал он Хану с видом покорности, но без робости и малодушия: – я заслужил гнев твой и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению Неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою». Свирепый Хан смягчился, взглянул на него милостиво и с удовольствием объявил Вельможам своим, что «Князь Александр смиренною мудростию избавляет себя от казни». Узбек, осыпав его знаками благоволения, возвратил ему достоинство Князя Тверского.

[1338 г.] Благоразумный Иоанн – видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости Князей – с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную власть над Князьями древних Уделов Владимирских и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным, Иоанн не дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностию Хана, начал смелее повелевать Князьями. Владетели Удельные хотя и повиновались Иоанну, но с неудовольствием, и рады были взять сторону Тверского Князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого.

[1339 г.] Иоанн не хотел прибегнуть к оружию, ибо имел иное безопаснейшее средство погубить Тверского Князя: отправив юного сына, Андрея, к Новгородцам, чтобы прекратить раздор с ними, он спешил в Орду и взял с собою двух старших сыновей, Симеона и Иоанна, представил их величавому Узбеку как будущих надежных, ревностных слуг его рода; искусным образом льстил ему, сыпал дары и, совершенно овладев доверенностию Хана, мог уже смело приступить к главному делу, то есть к очернению Тверского Князя. Нет сомнения, что Иоанн описал его закоснелым врагом Моголов, готовым возмутить против него всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково. Царь, утраченный опасностию, послал звать в Орду Александра, Василия Ярославского и других Князей Удельных, коварно обещая каждому из них, и в особенности первому, отменные знаки милости. Иоанн же, чтобы отвести от себя подозрение, немедленно возвратился в Москву ожидать следствий.

Печать Ивана Калиты

Москва при Иване Калите Худ. А. Васнецов

Хотя Посол Татарский всячески уверял Александра в благосклонном к нему расположении Узбековом, однако ж сей Князь, опасаясь злых внушений Иоанновых в Орде, послал туда наперед сына своего, Феодора, чтобы узнать мысли Хана; но, получив вторичный зов, должен был немедленно повиноваться.

Юный Феодор Александрович, встретив родителя в Улусах, со слезами известил его о гневном Хана. «Да будет воля Божия!» – сказал Александр и понес богатые дары Узбеку и всему его двору. Их приняли с мрачным безмолвием. Узбек без всяких исследований объявил, что мятежный, неблагодарный Князь Тверской должен умереть. Никто из Ханов не умертвил столько Российских Владетелей, как сей, думая, что сии страшные действия гнева Царского утвердят господство Моголов над Россиею. Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оною и что, способствуя единовластию Князя Московского, он готовит свободу России и падение Царства Капчакского.

Несмотря на коварство, употребленное Иоанном к погибели опасного совместника, Москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя Собирателя земли Русской и Государя-отца.

Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок, или калиту, наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван Калитою. Кроме собора Успенского им построены еще каменный Архангельский (где стояла его гробница и где с того времени погребали всех Князей Московских). Украшая столицу каменными храмами, он окружил ее (в 1339 году) дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время Кремник, или Кремль.

Тишина Иоаннова Княжения способствовала обогащению России северной. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу Немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (через Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками Татарских раз-

бойников: милостивые грамоты Узбековы, данные Великому Князю, служили щитом для путешественников и жителей.

Древняя Москва. Худ. А. Васнецов

Наконец, описав Княжение Иоанново, должны мы в последний раз упомянуть о Галиции как о Российской области. Внук Юрия Львовича, Князь Георгий, скончался около 1336 года, не оставив детей, и Хан прислал своих Наместников в Галицию; но жители тайно умертвили их и с дозволения Ханского поддались Болеславу, зятю Гедиминову, обязав его клятвою не отменять их уставов, не касаться сокровищ государственных или церковных и во всех делах важных требовать согласия народного или Боярского. Но Болеслав не сдержал слова: изменив православия, хотел обратить и подданных в Латинскую Веру; сверх того угнетал их налогами, окружил себя Немцами, Ляхами, Богемцами и, следуя прихотям гнусного сластолюбия, отнимал жен у супругов, дочерей у родителей. Такие злодеяния возмутили народ, и Болеслав умер скоропостижно, отравленный столь жестоким ядом, как уверяют Летописцы, что тело его распалось на части. Казимир, свояк Болеславов, умел воспользоваться сим случаем и (в 1340 году) завладел Галициею, обещав жителям не теснить их Веры. Львов, Перемышль, Галич, Любачев, Санок, Теревовль, Кременец присягнули ему как законному Государю, и сокровища древних Князей Галицких были отвезены из Львова в Краков. Довольный сим успехом, Король ограничил на время свое властолюбие и, заключив мирный договор с Литвою, уступил Кестутию, сыну Гедиминову, Брест, а Любарту, женотому на Княжне Владимирской, – Холм, Луцк и Владимир. Так рушилось совершенно знаменитое Княжение, или Королевство Даниилово, и древнее достояние России, приобретенное оружием Св. Владимира, долго называемое городами Червенскими, а после Галичем, было разделено между иноплеменниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.